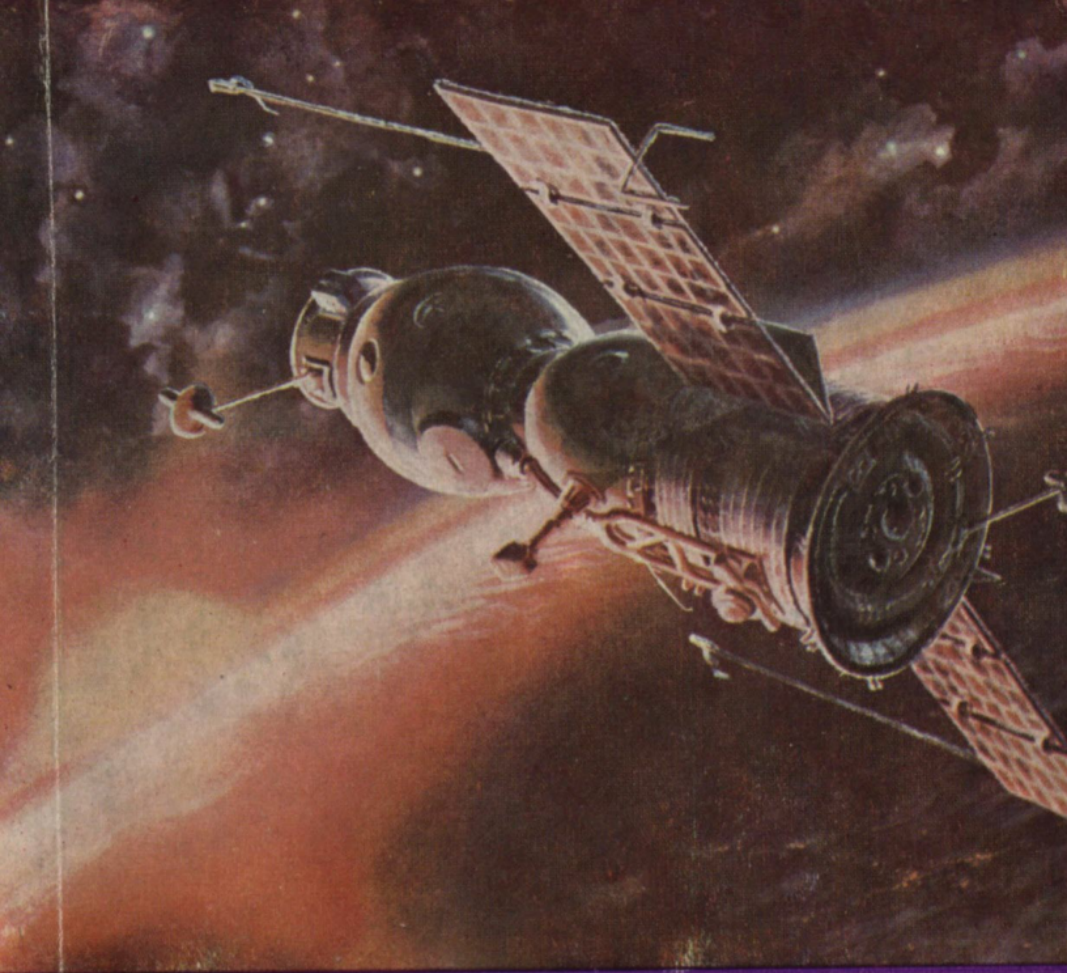


ЗВЕЗДЫ ВЫСОКОГО НЕБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

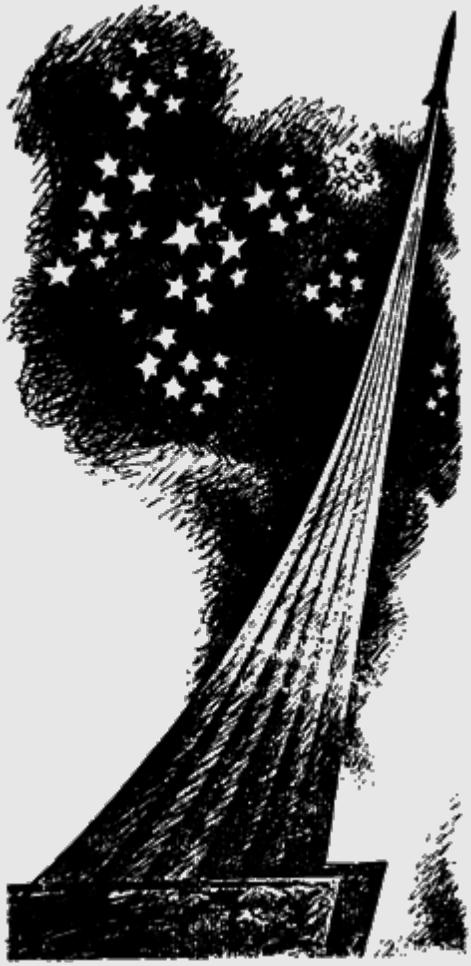
Библиотечка журнала «Пограничник» — серия остросюжетных военных произведений, а также документальной прозы.

Выпускалась в 1966–1991 годах массовыми тиражами.

-
  -
  - К читателю
  - Ярослав ГОЛОВАНОВ
  - Ярослав ГОЛОВАНОВ
  - Алексей ИВАНОВ,
  - Виктор МИТРОШЕНКОВ
  - Юрий ДОКУЧАЕВ
  - Телерепортаж из космоса
  - Игорь ВАСИЛЬЕВ
  - Виталий ГОРДИЕНКО
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
  - INFO
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Библиотечка
журнала
„Пограничник"
№ 1 (67), 1977 г.

ЗВЕЗДЫ ВЫСОКОГО НЕБА



Москва.

*

Фото В. ГРЕЧУХИНА, Б. КОСАРЕВА, А. ПЕРОВА,
В СМИРНОВА, фотохроники ТАСС
и музея пограничных войск КГБ при СМ СССР.

М., Типография журнала «Пограничник», 1977

К читателю

Наш век неимоверно насыщен информацией. Порой можно прочитать или услышать об «информационном взрыве», который, словно ужаснейшее стихийное бедствие, будто бы обрушивается на человечество. Но при более внимательном подходе к этому «взрыву» оказывается, что он не так уж страшен. И осколки, и волны, и раскаты этого «взрыва» отнюдь не опасны. Наоборот, они несут человечеству сознание того, что человек все может, на все способен. Способен использовать могучие природные силы себе на пользу. Способен создать общество, в котором человек труда является его сущностью, целью и назначением.

Вот почему, когда появляется новая книга, хочется знать, о чем она; позволит ли чтение ее хоть немного расширить представление о еще неведомых сторонах жизни, познакомит ли она с судьбами интересных людей, поможет ли узнать, как решаются те или иные проблемы, которыми занимаются эти люди.

Передо мной книга, само оформление которой как бы подготавливает читателя к увлекательному рассказу о современной космонавтике. На обложке — Земля, Космос, космическая станция…

Сборник очерков «Звезды высокого неба» назван так не случайно. Основание для этого прежде всего дает одноименная статья Я. Голованова, в которой рассказывается о выдающемся ученом — пионере ракетной техники и основоположнике практической космонавтики академике Сергее Павловиче Королеве. Один из лучших очерков называется «Бессмертие Гагарина». Речь идет о первом в мире космонавте Юрии Алексеевиче Гагарине. В других очерках сборника фактический, документальный материал хранит тепло непосредственного впечатления от встреч с космонавтами, от увиденного в Звездном городке, откуда берут свое начало все дороги в космос.

Космос — это всегда хождение в непознанное и риск, реальность жизни и фантазия века, гражданское сопереживание и национальная гордость, радость ожидания и волнующее участие: как они там. За первым шагом в космосе последовали другие. Путь покорителей Вселенной становится все шире, все увереннее.

Современная космонавтика зародилась на рубеже нашего, XX века. Целеустремленным и страстным трудом своим заложили все краеугольные камни ее пионеры-энтузиасты космоплавания, первое место среди которых занимает Константин Циолковский.

Можно смело сказать: почти все, что делается сейчас в этой области, он предвидел еще на рубеже века. Несомненно, многое из того, что он говорил, нам предстоит еще сделать. Взгляд его был остр — он видел не только нас, но и тех, кто придет за нами. Верны его пророческие слова: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Основоположник космонавтики К. Э. Циолковский предложил первые проекты космических поселений, смелые планы расселения человечества в космосе. Подобные проекты еще совсем недавно казались фантастическими, но 16 лет назад Юрий Гагарин, проложив первую дорогу во Вселенную, доказал, что люди могут жить и работать в космосе.

Этот легендарный полет, последующие экспедиции советских «Востоков», «Восходов», «Союзов», «Салютов», крепнущее международное сотрудничество в деле освоения космоса, яркими примерами которому послужили совместная экспедиция «Союз» — «Аполлон» и недавно подписанное соглашение об участии в полетах на советских космических кораблях космонавтов из братских социалистических стран, логически подводят космонавтику к новому этапу своего развития, воплощению в жизнь мечты К. Э. Циолковского — созданию на околоземных орбитах больших долговременных орбитальных станций с интернациональными экипажами, с помощью которых еще шире будут решаться хозяйственные и научные задачи.

Эта масштабность космонавтики, ее всепроникающий и всеохватывающий характер заставляют нас оценивать выход человека в космос не только как выдающееся событие, но и кек начало новой эры в истории науки. Новые эры открываются не часто. Само понятие эры связано с коренными изменениями и преобразованиями, с чрезвычайно существенными и далеко идущими последствиями и перспективами, будь то история природы или история общества.

Космическая эра переживает «юношеский» возраст — ей в 1977 году исполняется двадцать лет.

У вас в руках сборник очерков. Он вышел в канун знаменательных дат: 70-летия со дня рождения Главного конструктора первых ракетно-космических систем С. П. Королева и 20-летия современной космонавтики. Это одна из первых публикаций в нашей стране, посвященных этим выдающимся историческим событиям. Несомненно, вслед за ней выйдут из печати и другие книги, очерки, репортажи о космонавтах, космосе, работе ученых и конструкторов. Будет продолжен

активный процесс накопления фактического материала для создания больших художественных полотен, отражающих существенные черты космической эры. Такие книги мы ждем с нетерпением.

Автором сборника можно по праву назвать журналистов и авторский коллектив журнала «Пограничник».

Казалось, само название журнала точно очерчивает и во многом определяет круг журнальных проблем. Прежде всего «Пограничник» старается отразить сегодняшние пограничные будни, полные постоянного напряжения, неослабной бдительности, укрепление взаимной связи между людьми, их готовность поддерживать друг друга в минуту опасности. Журнальные страницы щедро отдаются и остросовременным темам. Но самое примечательное качество предлагаемых читателю произведений — это, пожалуй, присутствие в них героя, представляющего единый, монолитный характер советского человека, сформированного социалистическим строем.

Беспримерные подвиги совершают воины-пограничники в специфических условиях границы. Не случайно на журнальных страницах, посвященных пограничной службе, авторы подчеркивают, что Граница — «это весь человек, увиденный по-иному»… Они рассказывают по сути о труженике передовых рубежей нашей Родины — о пограничнике, воине-дзержинце. Но рассказывают так, что этот человеческий характер вмещает в себе многое: и удивительную жажду жизни, и желание докопаться до ее «корня», и способность относиться к службе, как к нужному трудному делу, и врожденное чувство личной ответственности за происходящее, и открытость души, расположенность к людям, и, твердость в преодолении не совсем обыкновенных трудностей, а порой и прямой опасности, и быстроту принятия решения, связанного с серьезным риском, и непоколебимость в проявлении поступка, требующего бесстрашия, и наступательный, активный патриотизм, пламенную, преданную любовь к Родине, то есть все то, что именно и превращает повседневное дело в подвиг.

И уже не возникает вопроса — почему журнал «Пограничник» завоевывает все более широкую читательскую аудиторию в отряде космонавтов. Понимаешь: именно в нем, в облике пограничника сфокусировалось то главное, что связано с интересной профессией космонавта. И тут возникает вопрос о силе нравственного примера. Это закономерно: произведения литературы аккумулируют нравственный идеал народа, воина. Потому-то она способна выполнять свои прямые функции воспитания.

Со школьной скамьи известно, например, что образ

Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» во многом определил жизненный путь Георгия Димитрова. Этот же образ был нравственным примером для юной Зои Космодемьянской. А вот признание Юрия Гагарина, как воспринимали он и его товарищи по авиационному училищу героев современной советской литературы: «Читали мы в то время и прозу, изданную Воениздатом и «Молодой гвардией», книги любимых писателей: Георгия Березко, Ивана Стаднюка, Михаила Алексеева и других. Их произведения показывали советского воина во весь его гигантский рост, описывали любовь народа к своему освободителю».

По-разному осуществляется духовный контакт с любимым героем. Одни стремятся во всем подражать ему, другие — перенять главное в нем, третьи отыскивают в себе сходные качества. Но случается, что духовные связи выглядят иначе.

Как не упомянуть об интересной космической акции 14 июля 1976 года? В этот день космонавты Герои Советского Союза Б. В. Волынов и В. М. Жолобов в очередном сеансе связи с борта орбитальной космической станции «Салют-5» провели телерепортаж, посвященный воинам-дзержинцам. Миллионы телезрителей на экранах своих телевизоров наблюдали запоминающиеся космические картины, плавающий в невесомости журнал «Пограничник».

На странице космического варианта журнала «Пограничник» космонавты Б. В. Волынов, В. М. Жолобов от себя лично и от имени большого отряда советских космонавтов написали космическими авторучками теплые слова воинам-дзержинцам: «ЖЕЛАЕМ ВОИНАМ-ДЗЕРЖИНЦАМ СЧАСТЛИВЫХ ДОЗОРНЫХ ТРОП».

Сказано отлично. Какой глубокий патриотический смысл выражают эти слова! В них — и уважительное отношение к доблестным воинам границы, и добрые пожелания всем пограничникам неустанно хранить покой мирных рубежей нашей великой Социалистической Родины.

И это не случайно. Каждый, кто слышал эти волнующие слова с высоты космической орбиты, подумал, что и космонавты в трудном для них орбитальном полете испытывают от этого общения с землянами большое удовлетворение, радость, вбирают в себя могучий и прочный социальный оптимизм, энергию, веру в будущее, которые помогут им быть счастливыми в их космических полетах, исследованиях Вселенной и на Земле — в их постоянных и трудных тренировках и учебе.

Бег времени остановить невозможно. Он отдаляет от нас все дальше и дальше в глубь истории памятный космический

репортаж. Однако всякий раз, когда видишь возвращенный из глубин Вселенной журнал «Пограничник», в памяти оживают волнующие кадры невесомости, космонавтов, интерьера отсеков станции «Салют-5».

На телеэкране Б. В. Волынов и В. М. Жолобов, и чуть в глубине отсека — иллюминатор. Идет репортаж… Но невольно наш взгляд старается проникнуть через иллюминатор и схватить знакомые очертания материков, найти запомнившийся еще по школьной карте абрис Родины. Но Земля, сверкнув радугой красок, уходит из поля видимости.

А мы видим журнал, на обложке которого снимок — пограничная группа ведет напряженный ночной поиск. В небо взвилась сигнальная ракета. Световые блики тревожно скользят по земле, кустарнику, лицам. Глядя на трех пограничников, спокойных, решительных, ты уверен, что операция завершится успехом. И невольно ощущаешь свою сопричастность к почетной службе на мирных далеких рубежах нашей Родины.

Родина, — это контуры синих морей и узорной ряби серо-стальных, подавляющих своей безмерностью океанов, величественные дымчатые сопки и грозные силуэты скал; это — свежесть и сверкание воды и буйная зелень; это — струящееся марево над жаркой белизной песков; это — тайга, неоглядная и молчаливая.

Родина — это и внушительные панорамы строек, и терриконы шахт, и бескрайние хлебные нивы, и города, прекрасные в своей архитектурной полифонии. Это — массовый трудовой героизм советских людей, это их умение управлять сложнейшими механизмами, с помощью которых оказалось возможным создавать рукотворные моря, прокладывать новые русла великих рек, менять веками насиженные местоположения городов и селений. И, пожалуй, самое важное содержание, которое ты вкладываешь в это понятие — внутренняя потребность мыслить глубже, масштабнее, шире. Словом, все то, с чем связано наше историческое самосознание, наша гордость и любовь к родной земле.

Территория Советского Союза — огромна! Стремителен полет космической станции — 28 тысяч километров в час! И требуется каких-нибудь 17 минут, чтобы преодолеть расстояние от западной границы до восточной.

Не эта ли емкость, не эта ли живая многослойность жизненных мирных картин становится импульсом углубленных мыслей, связывающих воедино день минувший с днем нынешним, вызывающим неустанное совершенствование и движение вперед?..

А рядом с трудом мирным живет труд ратный: мужество, отвага и стойкость наших пограничников, составляющих оплот и душу государственного рубежа. Ночью и днем, в дождь и зной, на океанах и морях, в горах и пустынях, в тайге и непроходимых болотах неустанно несут службу славные часовые наших мирных рубежей.

Пограничниками не рождаются — ими становятся. Был день, когда на границу, как и в космос, советский человек ушел впервые. И теперь, как и раньше, день за днем пограничные наряды торят дозорные тропы Границы.

Убежденность, внутреннюю силу, смелость, мужество, велю пограничник, как и космонавт, закаляет напряженным трудом, вдохновенной учебой. Он способен мгновенно принимать решения в трудных ситуациях, точно выполнять требования дисциплины, выдерживать физические нагрузки. Таковы ступени восхождения на дозорные тропы Границы.

Граница, как и космос, — мир упорной борьбы, побед, высокого накала поисков и кипения страстей. Это безграничная панорама новизны, место приложения труда и таланта самых разных специальностей. Здесь ощутимо бьется пульс нашей необъятной страны.

Такое не назовешь невыразительными словами «обычная жизнь», «будничная служба». Ибо понимаешь: каждый пограничник, уходя в дозор, как и космонавт на орбиту, по-своему все же является первопроходцем.

Слово «первопроходец» давно перешагнуло границы своего первоначального смысла и стало символом смелых и дерзких замыслов, отважных деяний, мужественных поступков в любой сфере человеческой деятельности.

…Уверенной поступью идет пограничный наряд, обычные минуты душевного напряжения, большой собранности и сосредоточенности на бесконечной ленте контрольно-следовой полосы, на зелено-красных полосатых пограничных столбах, плотной сети инженерно-технических сооружений. Точный и острый взгляд фиксирует другие известные и примечательные ориентиры, комплекс признаков которых может рассказать многое из происшедшего на границе. И все это пограничная служба.

Текут чередой месяцы, годы. Одно поколение пограничников сменяет другое, передавая «тайны» своей героической профессии. Но дело не просто в профессии. Приветствие космонавтов воинам границы с борта космической станции «Салют-5» стало символом глубокой духовной связи, полноты душевной доверительности, дружбы между космонавтами и пограничниками.

Полет орбитальной космической станции «Салют-5» успешно продолжается. Решения XXV съезда КПСС нацеливают на то, чтобы «продолжить изучение и освоение космического пространства, расширить исследования по применению космических средств при изучении природных ресурсов Земли, в метеорологии, навигации, связи и для других нужд народного хозяйства».

Практической реализацией решений съезда явилось успешное выполнение обширной научной и технической программы космонавтами Б. В. Волыновым и В. М. Жолобовым.

Действующая сейчас орбитальная станция «Салют-5» оснащена совершенной системой ориентации и стабилизации. Это позволяет снизить уровень возмущений при движении станции и создает лучшие условия для выполнения комплексной научно-технической программы и тем самым способствует получению обширного объема ценной информации.

Состоявшийся недавно октябрьский Пленум ЦК КПСС наметил конкретные задачи развития народного хозяйства на 1976–1980 годы. Выступивший на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал, что «Десятая пятилетка — это пятилетка огромных масштабов и больших экономических возможностей. В развитие народного хозяйства будет вложено более 621 млрд, рублей». Перед нашими тружениками, в каких бы областях они ни работали, открывается огромная, захватывающе интересная работа по программе, намеченной XXV съездом КПСС. Работа крайне ответственная. И от того, как мы будем работать, как будем выполнять намеченные планы, зависит мощь, авторитет, процветание нашей Родины, благополучие каждой семьи, благосостояние и счастье каждого советского человека.

Генерал-майор авиации Г. БЕРЕГОВОЙ, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Ярослав ГОЛОВАНОВ
БЕССМЕРТИЕ ГАГАРИНА

Сегодня дальше мчат ракеты,
но твой единственный виток
венчает лоб родной планеты,
как победителя венок.

Мара ГРИЕЗАНЕ

Среда 12 апреля 1961 года. Никто не выбирал заранее этот день, никто не стремился именно к этой дате приурочить первый полет человека в космос. История выбрала его. Событие величайшего исторического значения окрасило листок календаря в торжественно-радостный цвет и превратило этот день в праздник, который отмечает с тех пор ежегодно все человечество.

Писали и говорили, что полет человека в космос близок. Те, кто внимательно следил за космическими стартами, понимали, что полеты животных на кораблях, способных благополучно приземляться, — это генеральные репетиции близкой героической премьеры. Но ни точной даты, ни фамилии будущего звездного пилота никто не знал. Поэтому дня 12 апреля с нетерпением ожидали вообще сравнительно немногие люди, и, наверное, самым нетерпеливым был Юрий Гагарин.

После его старта мне доводилось беседовать со многими участниками этой воистину эпохальной работы, и все они в один голос отмечают: праздничный день 12 апреля начинался на космодроме совсем не празднично, а буднично, даже подчеркнуто буднично. Прекрасный и тонкий знаток людей, Сергей Павлович Королев ясно представлял две опасности, возможные при подготовке гагаринского полета. С одной стороны, подчеркивание его историчности. Медь оркестров, знамена и торжественные речи могли нарушить привычный и проверенный многократно ритм работы. С другой стороны, Королев старался снять с людей, в том числе и с самого Юрия Гагарина, всякую скованность, чрезмерное напряжение и волнение. Королев категорически возражал против какого бы то ни было подчеркивания исключительности предстоящего события. Всем своим поведением, каждым жестом и словом он как бы говорил соратникам: «Мы спокойно делаем дело, которое с успехом делали уже много раз, и сделать его надо так же хорошо, как и раньше. Ну, может быть, чуточку получше…». Стартовая команда, инженеры-испытатели и все другие специалисты, наблюдая за Главным конструктором, быстро поняли и приняли условия предложенной им психологической установки и работали действительно очень спокойно, без нервных срывов.

Столь же спокойны были и космонавты. Они рассматривали полет как своеобразный экзамен, проверку своих знаний, сил, нервов. Люди молодые, они не раз сдавали разные экзамены, и этот психологический настрой для них тоже не был чем-то совершенно непривычным. Они не могли представить себе, какую бурю восторгов на всех континентах планеты вызовет первый старт человека в космос. Знай они *о том,* что произойдет в мире

буквально через несколько часов, они, безусловно, волновались бы больше.

Гагарина всегда отличало исключительное самообладание, и никто не помнит, чтобы до самого момента старта он как-то выдал свое волнение. Впервые встретившись с ним в Крыму летом 1961 года, я первым делом спросил его, действительно ли он спокойно спал всю ночь перед стартом. Я допускал, что у него не было сомнений в совершенстве техники. Допускал, что он чувствовал себя хорошо подготовленным к полету. Пусть это был просто экзамен, но ведь экзамен высшей трудности, а все знают, что перед трудным экзаменом нелегко заснуть. Гагарин задумался, потом пожал плечами и сказал с улыбкой:

— Так ведь надо было обязательно выспаться. Ведь предстоял трудный день…

Да, этот день был трудным для Юрия Гагарина. Впрочем, не только для него…

Первый полет человека в космос длился всего 108 минут— не так уж и много. Выполнял его один космонавт. Но никто никогда не подсчитывал, да и нельзя было подсчитать всех участников этого полета. Вместе с Гагариным по звездной дороге шагали ученые, конструкторы космического корабля и ракеты-носителя, металлурги, давшие им легкий и прочный металл, химики, отыскавшие лучший вариант топлива, прибористы, давшие жизнь электронным мозгам приборов, строители, поднявшие в казахских степях звездные причалы стартовых комплексов. Да разве можно назвать всех! Разве не — было с ним в полете девушки, собиравшей черную смородину, чтобы попробовал он впервые в истории попить сок в настоящей внеземной невесомости. Гагарина отправила в полет вся страна, потому что любой человек, который честно выполнил свой долг и делал свое дело, помогал Гагарину.

Читатели журнала, пограничники, понимают, конечно, что и их верная служба, их вечный дозор, покой людей, который они охраняют, возможность спокойно работать, которую они дают этим людям, — все это тоже делает их участниками исторического свершения 12 апреля 1961 года.

108 минут… И двух часов не прошло, как он вернулся на родную землю. Ясно светило солнце, где-то далеко трещал трактор. Вернулся!

А потом началась невероятная счастливая круговерть: цветы, объятия, поцелуи, телефонные звонки, сотни людей, которые тянули к нему руки. Он еще не понимал до конца, что же это такое он сделал сегодня. Он устал и был счастлив. Оттого, что выполнил все, чему его учили и чего вместе с ним так горячо

хотели десятки, сотни дорогих ему людей. Он знал, что выполнено очень важное задание, но в тот день он не думал о том, что вся космонавтика, вся мировая ракетная техника вступили в новый этап своего развития. Не до того ему было…

Он ясно представлял себе, что все мы — Советский Союз — снова, в который раз уже подтвердили свое лидерство в космических делах, что полет его, Гагарина, событие политическое.

Он не знал в тот день, что мама уже в Москве и что его наплакавшаяся, изволновавшаяся сверх всякой меры любимая Валя, устав от слов и людской ласки, слез и тостов, уснула наконец и улыбается во сне.

Первый и единственный в истории человек, совершивший кругосветное путешествие меньше, чем за два часа, спал на берегу Волги. Конечно, много всяких опасностей подстерегало Гагарина на его звездной дороге, но, повторяю, не в этом дело. Он родился заново, чтобы прожить свою вторую жизнь, такую, горько короткую и такую прекрасную, так нерасторжимо соединенную, спаянную с его первой жизнью, из нее родившуюся и все-таки — вторую.

Он проснулся, сразу все вспомнил и засмеялся. Скорее каким-то инстинктом, чем умом, понимал он, что с этого утра начнется что-то Очень интересное, но плохо представлял себе, что же именно… Свершилось невиданное, и естественная человеческая логика предполагала, что он, это свершивший, тоже необыкновенен. Но все, встречавшие его сразу после приземления, отмечают его природную простоту, какую-то отрешенность от только что совершенного подвига. Поэтому он восхищал и разочаровывал одновременно.

Человек военный, за годы своей службы в ВВС он научился органично, безо всякой внутренней ломки мудрости и логике армейской дисциплины и подчинялся ей без принуждения. Сейчас, окруженный людьми самого высокого ранга, он испытывал некоторую робость главным образом от их постоянного ласкового внимания, радушия и непривычной, даже в какой-то степени противоестественной почтительности к нему.

Генерал армии Стученко отдал приказ, чтобы Гагарину сшили майорскую форму за одну ночь, и ее сшили. Невыспавшийся, с красными глазами, портной, подавая ему парадный мундир, тоже *попросил* автограф. Наверное, это был первый совершенно незнакомый Гагарину человек, которому, оказывается, тоже захотелось иметь его росчерк… Юрий взял лист бумаги и написал: «Благодарю за работу. Ю. Гагарин». И тут он снова почувствовал: жизнь изменилась и очень, но отогнал эту

мысль. Она была слишком туманна и неопределенна, а он человек дела и любил думать конкретно. Предстоял доклад о полете перед Государственной комиссией и специалистами. Он сразу посерьезнел, собрался, беззаботная счастливая расслабленность его исчезла.

108 минут даже самых фантастических не могут изменить суть, природу человека. Гагарин был на земле работником. Всегда — дома, в ремесленном училище, в техникуме, в военном городке и на космодроме. Он всегда, как говорится в народе, находился «при деле». В этом смысле короткая жизнь Гагарина, прожитая им после 12 апреля, находится в неотрывном единстве со всей прежней его жизнью. Можно говорить лишь о том, что изменился характер его работы, ее формы. Гагарин становится — и очень быстро — государственным деятелем, членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, депутатом Верховного Совета СССР. Он ведет активнейшую работу в комсомоле, возглавляет Общество дружбы с народом Кубы, круг его общественных обязанностей неохватен. Наконец, он продолжает учебу в Военно-воздушной инженерной академий и заканчивает ее. Обо всем этом мы вспоминаем в первую очередь, потому что как раз эта работа — у всех на виду. С ней связано большинство его публикаций, о ней рассказывали журналисты и кинохроникеры. И как-то отодвигается, становится как бы фоном главное дело, то, чему он всего себя отдал навсегда, — космонавтика. Гагарин-политик, Гагарин-трибун, общественный деятель заслонил в какой-то степени Гагарина-космонавта.

Эта деятельность его, так сказать, профессиональная, продолжавшаяся и после полета, известна меньше. Повседневная, обычная работа. Как и у каждого из нас, она не часто баловала праздниками, и неожиданных радостей в ней было, очевидно, все-таки меньше, чем непредвиденных сложностей. Но он очень любил эту работу, можно даже сказать, — больше всего в жизни любил эту работу. Оказалось даже — больше жизни…

Парень из Гжатска, став Гражданином планеты, не стал космополитом, он остался парнем из Гжатска. Есть кинокадры: Юрий приехал к отцу и матери. В Гжатске организовали митинг, и вот он идет на этот митинг, взяв под руку Анну Тимофеевну и прихрамывающего Алексея Ивановича, идет по родному городу, отвечая своей улыбкой на тысячи улыбок людей, которые помнили его босоногим мальчишкой, идет и косится глазами на родителей и понимает, как же приятно его старикам вот так с ним идти, как гордятся они своим Юрашей, и, понимая это, он

сам счастлив за них и взволнован.

Его привязанность к родителям и старым друзьям, к дому, к семье все более и более укреплялась, ибо все яснее и четче видел он ее первозданную крепость, ощущал прочность корней жизни. При всей своей занятости он наезжал домой регулярно.

В Гжатске бывали и гости со всех концов света, и рыбалка, и редкие минуты счастливого отдыха. Здесь он окунался в свое прошлое и более, чем в любой точке покоренной им планеты, оставался самим собой.

Гагарин взял на вооружение слова из популярной песни: «Летчик может не быть космонавтом, космонавту нельзя не летать». Он не был бы космонавтом, не был бы Гагариным, если бы не летал сам.

Движущей силой очень многих его поступков было стрем* ленив ни в чем не отстать от товарищей. Сам он, видимо, считал в какой-то мере, что счастливый случай сделал его первым космонавтом. И не хотел жить «на ренту» от этого случая. Он считал, что потеряет моральное право быть командиром своих товарищей, если будет уметь меньше их, знать меньше. И уж никак не хотел летать меньше других, как бы его ни опекали:

— Что же, они будут летать, а я — только руководить?

Гагарин стал родоначальником новой на земле профессии и считал, что должен быть профессионалом. Поэтому он стремился все время быть действующим, а не музейным космонавтом. Когда на смену «Востокам» должен был прийти «Союз», Гагарин стал переучиваться на новую технику. Много времени и сил отдал тренировкам. Он был дублером Владимира Комарова, когда стартовал первый «Союз».

Гагарин — сродни тем фронтовым коммунистам, которые первыми поднимались в атаку, первыми шли под вражеский огонь. Руководить личным примером, ни в чем не давать себе поблажек — было его жизненным принципом, и он остался верен ему до последнего вздоха.

Я хорошо помню одно выступление Юрия перед молодежью. Он говорил просто, доверительно, с какими-то домашними, задушевными интонациями. Говорил, что надо работать. Работать еще больше, чем работали.

— Без мозолей на руках коммунизм не построишь, — говорил он.

Запомнилась мне и одна из наших бесед весной 1967 года. Юрий Алексеевич сказал тогда:

— Я никак не хочу подчеркивать исключительность моей профессии. Эта исключительность временная. Во времена Уточкина профессия летчика тоже была исключительной, редкой

профессией, а теперь ее такой не назовешь. То же самое будет и с космонавтикой. По мере ее развития число людей, которые будут принимать непосредственное участие в космических полетах будет резко возрастать. Думаю, что уже на нашем веку станут известны имена сотен космонавтов. И все-таки до момента освоения Луны, строительства на Луне и ближайших планетах, которое невозможно без регулярной транспланетной связи, эта профессия массовой не станет. И еще мне хотелось бы уточнить само понятие «космонавт». Существо понятия «космонавт» то же, что и понятия «полярник».

Вот «летчик-космонавт» — это профессия, которой надо учиться, которая предъявляет определенные требования к здоровью и физическим данным человека. Немыслимо освоение космоса без летчиков-космонавтов. Это — главная космическая профессия. Но обратимся опять к авиации. Вначале летали только летчики. Летчиком называли всякого, летавшего над Землей. Появились многоместные самолеты, и появились штурманы, радисты, бортинженеры. Наконец, появились пассажиры. То же будет и в космонавтике. Уже первый советский многоместный космический корабль «Восход», пилотируемый летчиком-космонавтом Владимиром Комаровым, имел в составе своего экипажа космонавта-ученого и космонавта-врача. Будут со временем космонавты-инженеры, космонавты-физики, космонавты-строители, сварщики, астрономы…

— А журналисты? — перебил я.

— Журналисты обязательно! — засмеялся Юрий Алексеевич. — Без журналистов никак нельзя. Хотя я с ужасом думаю о том времени, когда даже в космосе нельзя будет спрятаться от журналистов…

Космос — лишь место приложения труда и таланта людей самых разных земных специальностей…

Так говорил Гагарин. Он хорошо понимал, что в грядущем освоении космического пространства будет время бурных наступлений и время затиший, время накапливания знаний и опыта и время их осмысления. Но важен самый общий итог:

— Полеты в космос остановить нельзя, — говорил Гагарин. — Это не занятие одного какого-то человека или даже группы людей. Это исторический процесс, к которому закономерно подошло человечество в своем развитии.

Тогда же разговор зашел об опасности его работы и неизбежности будущих жертв.

— Ничего не дается людям даром, — говорил Юрий Алексеевич. — Ни одна победа над природой не была бескровной. Мы начали узнавать околоземной мир. А разве земные наши

открытия не оплачены жизнями замечательнейших людей, героев разных стран, отважных сынов человечества? Норвежец Амундсен и англичанин Скотт, американец Де-Лонг и француз Лаперуз, наш ледовый герой Георгий Седов и неутомимый путешественник Алексей Федченко — как длинен этот драматический список открывателей нашей планеты. Люди погибали, но новые корабли уходили со стапелей, новые самолеты выруливали на взлетную полосу, новые отряды отправлялись в леса и пустыни. Но разве это судьба только путешественников? Разве не отдавали во имя знаний своих жизней физики? Разве не жертвовали собой ради других врачи? А летчики-испытатели?..

Да, конечно, Гагарин понимал, что его работа опасна. Но он не считал опасность достаточно серьезным основанием, чтобы не заниматься этой работой. Он любил ее и знал, что она нужна людям.

Это понимал и К. Э. Циолковский. Юра Гагарин еще учился ходить, когда Циолковский писал одному из сотрудников ГИРД: [1] «Нет более новой и трудной техники в мире, чем дело реактивного движения». Юрий Гагарин был уже легендарным человеком, когда С. П. Королев писал: «Мы стараемся все делать не торопясь, основательно. Наш девиз: беречь людей. Дай-то бог нам сил и умения достигнуть этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в лучшее, хотя и все мои усилия, и мой разум, и опыт направлены на то, чтобы предусмотреть, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное…»

Эти три замечательных человека, принадлежащие трем разным поколениям (Циолковскому было 49 лет, когда родился Королев, а Королеву 27, когда родился Гагарин), понимали, сколь тернист путь, по которому они идут, но, кроме того, они понимали, что это их путь, и не могли свернуть с него на обочину жизни. Они не задумывались тогда о том, что шагают в бессмертие. И пришли в него.

Гагарин любил говорить о прошлом, о гении Циолковского, обогнавшего свой век, о первых работах Цандера, Королева, Глушко. Он знал настоящее, был в курсе современных гипотез и теорий, сам принимал участие в разработке насущных планов, готовил в полет и готовился к полету. Он мечтал о будущем. Он был настоящим мечтателем, хотел непременно побывать на Луне, слетать на Марс, вообще хотел летать много и долго. Превратив фантастику в факт, он, наверное, менее благоговейно относился к фантастике, чем другие, просто лучше других знал относительность ее жизни.

Он писал о многомесячных полетах к другим мирам, об

опасности, которые ждут звездоплавателей в океане большого космоса. В его записях всегда было много оптимизма и серьезной бодрости. Не бодрячества, а именно серьезной бодрости, идущей от знания, веры в предначертание человека и представления о том месте в нашем мире, которое он достоин занимать.

Когда говорят о бессмертии Гагарина, то чаще всего связывают это с фактом его полета, эпохальным событием, яркость которого не ослабнет, через какую бы толщу лет ни шел к нашим потомкам этот свет. Армстронг и Олдрин оставили на Луне металлический вымпел с его именем. Его вспомнят счастливцы первой марсианской экспедиции. Когда-нибудь О нем будут говорить первопроходцы Венеры и далекие жители космопортов на спутниках Юпитера. Все это будет. Бессмертие Гагарина не замыкается лишь историческим фактом события 12 апреля 1961 года. Бессмертие Гагарина это дело Гагарина, это новые победы советской космонавтики.

Ярослав ГОЛОВАНОВ
ЗВЕЗДЫ ВЫСОКОГО НЕБА

В последний день января 1961 года на мысе Канаверал во Флориде состоялся еще один запуск капсулы «Меркурий». Дела с этим первым американским космическим кораблем, который должен был поднять в космос первого американского астронавта, шли из рук вон плохо. Летний пуск 1960 года окончился взрывом ракеты через 65 секунд после старта. В ноябре капсула не отделилась от ракеты и вместе с ней упала в океан. Через две

недели — пожар на старте. И вот теперь еще одна попытка. 8 «Меркурии» сидел Хэм — любимец журналистов, шимпанзе с глазами такими умными, что становилось неловко, когда ваши взгляды встречались. Если у обезьян есть бог, то только он спас Хэма: техника сделал) все возможное, чтобы погубить его. Сначала произошел аварийный разгон носителя, что привело к 18-кратным перегрузкам. Обезьяна не успела очухаться от страшного гнета, как включились световые сигналы, на которые Хэм, исполняя волю дрессировщиков, должен был реагировать, нажимая кнопки и рычаги. Если шимпанзе ошибался, он получал удар током. Автоматика испортилась, и Хэма било током все время, — тут уж не обезьяна, самый смекалистый человек бы запутался. В довершение всех несчастий при входе в плотные слои атмосферы сорвало теплозащитный экран. Случись это раньше, Хэм сгорел бы заживо. Капсула приводнилась в 130 милях от расчетной точки — это при полете всего на 230 миль. Хэм чуть не захлебнулся.

Королев читал свежие сообщения на космодроме и хмурился. Иронизировать над шимпанзе можно, конечно, сколько угодно, но все его приключения доказывали вновь и вновь: запуск и возвращение космического корабля — задача чрезвычайной трудности. Он мог представить себе, где, когда и что может отказать в «Востоке» и носителе, но невозможно было предусмотреть бесчисленные варианты всех взаимосвязанных, протекающих одновременно или с молниеносной последовательностью отказов. Разве что холодному электронному мозгу по силам такое, но ведь он сможет помочь только тогда, когда все эти варианты и связи будут обнаружены и заложены в его памяти…

Сильный ветер гулял по такырам, сдувая снег, под которым желтела твердая, как бетон, глина. Королев отпустил машину, решил пройтись, глотнуть воздуха — от МИКа[2] до его домика — полкилометра, не больше. В МИКе готовили четвертый корабль. И пятый, тоже беспилотный. Последний? Никто не знает. Только одно известно было Главному конструктору: человек полетит в космос тогда, когда он, Сергей Королев, будет абсолютно уверен в надежности корабля.

Сергей Павлович никогда не рассчитывал на то, что с «Востоком» все пойдет гладко, без сучка и задоринки. Быть этого не могло уже потому, что дело совершенно новое, никаких аналогов в прошлом, никаких инженерных «предтечей» не имеющее: пилотируемый космический корабль. Отказы, если угодно, лишь подтверждали справедливость законов природы: «уговорить» ее, «навязать» ей что-либо — невозможно. И главный

смысл в испытательной работе Королев видел в ясном понимании причин состоявшихся отказов и обнаружении неких порочных закономерностей, которые вели к отказам пока несостоявшимся. Знать — понимать — предвидеть — движение по такому курсу должно было привести к успеху. Поэтому, когда первый корабль-спутник уже с системой ориентации и тормозной двигательной установкой в мае 1960 года не захотел сходить с орбиты, Королев прежде всего стремился узнать, почему это произошло. Разобрались очень скоро: не сработала инфракрасная вертикаль, тормозная установка превратилась в разгонную, корабль ушел на более высокую орбиту. Об этом потом вспоминал один из заместителей Королева, член-корреспондент АН СССР К. Д. Бушуев:

— Мы возвращались однажды с работы вместе с С. П. Королевым на машине. Не доезжая квартала до его дома, Сергей Павлович предложил пройти пешком. Было раннее московское утро. Он возбужденно, с каким-то восторженным удивлением вспоминал подробности ночной работы. Признаюсь, с недоумением и некоторым раздражением слушал я его, так как воспринял итоги работы, как явно неудачные? Ведь мы не достигли того, к чему стремились, не смогли вернуть на Землю наш корабль. А Сергей Павлович без всяких признаков огорчения увлеченно рассуждал о том, что это первый опыт маневрирования в космосе, перехода с одной орбиты на другую, что это важный эксперимент и в дальнейшем необходимо овладеть техникой маневрирования космических кораблей и какое это большое значение имеет для будущего. Заметив мой удрученный вид, он со свойственным ему оптимизмом уверенно заявил: «А спускаться на Землю корабли когда надо и куда надо у нас будут! Как миленькие будут. В следующий раз посадим обязательно…»

Он не любил, когда люди раскисали от неудач, а когда сам расстраивался, изо всех сил не показывал виду. Впрочем, ликований с самовосхвалениями тоже не терпел. Постоянная творческая бодрость, ровный оптимизм — вот самая желанная для него атмосфера, в ней дышалось ему лучше всего.

Королев не обманул Бушуева: 19 августа 1960 года второй корабль-спутник с собачками Белкой и Стрелкой на борту, с двумя крысами, 28 мышами и целым выводком мух-дрозофил вышел на орбиту, а на следующий день приземлился с точностью вполне удовлетворительной. Возбужденный, радостный Королев специально летал в Орск, чтобы встретить космических путешественников: ведь это были первые живые существа, вернувшиеся на Землю.

Успех требовал закрепления. В конструкторском бюро всю

осень шла работа, которую инженеры называют «доводкой». Старт третьего корабля-спутника был назначен на 1 декабря. Спускаемый аппарат с Пчелкой и Мушкой во время спуска сорвался на нерасчетную траекторию и погиб. Новый год Сергей Павлович встречал в Москве, потом опять улетел на космодром. «Готовимся и очень верим в наше дело», — писал он жене Нине Ивановне 27 января. Он готовился к новым испытательным стартам и очень верил, что полет человека в космос близок. Готовился и верил.

И вот теперь четвертый корабль-спутник. Нужна надежность…

В творческом почерке академика С. П. Королева есть одна особенность, кажущаяся поначалу противоречием. Многие специалисты, работавшие с ним, отмечают, что Сергей Павлович не любил эту самую «доводку» конструкций, предоставляя эту работу другим, а сам старался поскорее заняться чем-то новым, более сложным. С другой стороны, его всегда занимали и беспокоили вопросы надежности всех его конструкций. Когда он юношей построил свою «Красную звезду», многие считали его планер излишне утяжеленным. А это была не оплошность, а конструкторское кредо. «…Планер для фигурных полетов, обладая большим запасом прочности «на все случаи жизни», — писал молодой Королев, — даст возможность практически замерить те перегрузки, которые возникают в полете, и проделать все те наблюдения, которые на планере обычного типа невозможны».

Чего не хватало ему в первых ракетных пусках ГИРДа? Надежности. Устойчиво работающий, надежный «ракетный мотор» нужен был ему для его ракетоплана. То же и в послевоенные годы. Член-корреспондент Академии наук СССР Б. Е. Черток вспоминает:

— В период, когда ракетная техника делала первые шаги, примерно до начала 50-х годов, действовал принцип: «простота — залог надежности». В дальнейшем от него пришлось отказаться, ибо сложность главным образом электронного оборудования сделалась необходимостью. Одним из первых, кто не побоялся отбросить привычный девиз, был С. П. Королев. Тем, кто жаловался на сложность и трудоемкость бортовых приборов, он отвечал: «Не бойтесь сложности. Это неизбежно. Учитесь отрабатывать сложные системы и делайте их надежными». В одном из последних писем к Нине Ивановне с космодрома, менее чем за год до смерти, Сергей Павлович вновь отмечает: «Мы стараемся все делать не торопясь, основательно. Наш главный девиз — беречь людей».

Первый искусственный спутник Земли был очень прост. Он и в технических документах назывался сокращенно «ПС» — простейший спутник. Простота конструкции диктовалась простотой его программы. Для того, чтобы отработать сам выход на орбиту, для траекторных измерений, дающих первые сведения о физической природе «ближнего» космоса, и не требовалось более сложной конструкции. Но, в то же время наш космический первенец был очень надежным аппаратом. За время существования на орбите — 92 суток — он полностью выполнил свою скромную программу. Мера надежности находилась в прямой зависимости от поставленной задачи. Если эта зависимость удовлетворяла Королева, он ставил точку, предоставляя другим возможность улучшать и совершенствовать.

Но никогда желание двигаться вперед, горячее нетерпение решить эту новую, более сложную задачу не могли заставить Королева поступиться надежностью его конструкций, никогда спешка, его собственное желание, а подчас и чужие требования быть впереди, не могли заставить его изменить выбранным научно-техническим принципам, а говоря точнее, — жизненным, человеческим принципам, ибо жизнь Королева — это его работа. Ведь ничего более важного никогда для него не было. И той зимой в начале 1961 года не было для него ничего важнее двух этих беспилотных кораблей, что стояли в просторном, гулком, как железная труба, МИКе, к воротам которого горячие ветра, прозванные монтажниками «пескоструями», намели высокие сугробы.

В пилотном кресле четвертого корабля-спутника сидел «Иван Иванович». За прозрачным забралом скафандра застыв-шее, восковой желтизны лицо его выглядело жутковато, и, чтобы не испугать людей, которые могли обнаружить «Ивана Ивановича» после катапультирования и приземления, за окошком шлема прикрепили плакатик с крупными буквами: «Манекен». Это был так называемый антропометрический манекен — усредненное по росту и весу человеческое «чучело». Имя его, данное космодромными шутниками, столь распространенное в России, как бы подчеркивало его универсальность. Вместе с «Иваном Ивановичем» летели собака Чернушка и прочая живая мелочь, проходившая в документации под гордым именем «биообъекты». Корабль взлетел 9 марта 1961 года и, облетев вокруг Земли, через 88 минут благополучно приземлился.

В этот день Юрию Гагарину исполнилось 27 лет. Знал ли он, что через месяц с небольшим он полетит в космос? Сроков не знал, не уверен был, что именно ему доверят этот полет, но вообще-то — догадывался. По пристальному вниманию к себе, по

придирчивости наставников на экзаменах и зачетах, по отношению друзей, уже решивших между собой, что первым будет или он, или Герман Титов.

Не только Гагарин не знал даты своего старта. Королев тоже не смог бы тогда назвать ее. Он назначил себе еще один, окончательный, самый ответственный экзамен — новый беспилотный пуск, который должен был дать однозначные ответы на все вопросы, дать полное спокойствие и уверенность людям. Этот старт был нужен ему самому. Не перестраховки ради, не для того, чтобы, случись какая беда, лишняя бумажка с протоколом его оправдывала. Нет, ответственности он не боялся, брать на себя тяжкий ее груз он привык давно. Сам себе и тому улыбчивому старшему лейтенанту должен был он сказать: «Все сделано правильно, и я во всем уверен». Ответственность не страшила, а обязывала. Ответственность не перед каким-то конкретным начальником, перед сотнями и тысячами людей, отдавших себя этой работе, перед страной, перед человечеством. В 1957 году он не сразу понял масштаб совершившегося. Запуск первого спутника представлялся отлично решенной технической задачей, интересным, необычным, новаторским экспериментом. Потребовалось время, чтобы ясно представить глобальные последствия этого старта. Наивные старушки тогда интересовались, не влияют ли космические старты на погоду, а дальновидные политики понимали, что спутник изменил весь политический климат земного шара. Теперь, три с половиной года спустя, Королев понимал, что значит первый полет человека в космос. Нужна была только победа и он хотел быть уверенным в этой победе. *25* марта пятый корабль-спутник с новым «Иваном Ивановичем», с веселой Звездочкой дал ему эту уверенность. Он верил в корабль-спутник. Велась подготовка корабля, в котором должен был лететь человек.

Член-корреспондент АН СССР Б. В. Раушенбах вспоминает:

— После того, как был удачно завершен последний «чистовой» отработанный полет точной копии будущего «Востока» и было принято решение, разрешавшее старт человека, сюда (на космодром — Я. Г.) прибыли многочисленные группы *различных* специалистов. Хотя эти группы действительно были многочисленными, среди прибывших полностью отсутствовали лишние. Руководители подготовки к полету и прежде всего возглавлявший техническое руководство Сергей Павлович Королев строго, не считаясь с возможными обидами, следили за тем, чтобы здесь собрались только работники, которые входили в категорию «очень нужные», просто «нужные» и тем более всего лишь «полезные» должны были оставаться на своих повседневных

рабочих местах и лишь в случае самой крайней необходимости могли быть вызваны на космодром.

Это облегчало создание обстановки обычных четко распланированных рабочих будней. Надо сказать, что подобная будничность чрезвычайно нужна при столь ответственных начинаниях, она позволяет работать быстро и спокойно, сохраняя уже сложившиеся при отработочных пусках космических аппаратов связи и взаимоотношения. Строго поддерживаемая деловая обстановка исключала проявление каких-либо неуместных эмоций, как проистекающих из самонадеянности («мы все можем!»), а следовательно, ведущих к поверхностности в работе, так и связанных с робостью, страхом перед неизведанным («как бы чего не вышло»). Эта деловая будничность была одной из главных особенностей тех памятных дней.

Размеренный рабочий ритм отчасти был нарушен 5 апреля, когда на аэродроме один за другим приземлились три самолета ИЛ-14. Прилетели инженеры, врачи, кинооператоры. Прилетел генерал-полковник авиации Н. П. Каманин и шесть космонавтов. Королев встретил их у трапа. Он шутил, говорил весело и больше чем обычно. За этой оживленностью люди, давно его знавшие, угадывали натянутый до предела нерв. Он коротко сказал о графике работ: 8 апреля, вероятно, можно будет вывезти ракету на старт, а 10–12— лететь. Космонавтов поселили в добротном двухэтажном каменном коттедже — это было самое лучшее здание на космодроме в то время. Королев заботился о них, как о малых детях.

— Не разрешайте слишком усердствовать ни тем, кто учит, ни тем, кто учится, — наставлял Королев медиков. — Вы, медики, ратуете за то, чтобы в полет летчик уходил в наилучшей форме. Вот и действуйте, пожалуйста, как нужно. Благо, теперь здесь царит ваша, медицинская власть…

Он поручил Е. А. Карпову, старшему среди медиков, составить поминутный график занятости командира и дублера в предстартовые дни. Он считал, что космонавты должны все время быть чем-то заняты, ведь безделие расслабляет, расхолаживает, отвлекает.

На следующий день в 11.30 Главный конструктор открыл техническое совещание с участием главных конструкторов двигателей, системы управления, наземного оборудования и других систем. Присутствовали представители всех предприятий и служб: двигателисты, прибористы, связисты, управленцы, стартовики, медики… Королев требовал отладки системы регенерации воздуха на несколько суток полета, хотя по программе, она должна была работать менее двух часов. Он вновь

и вновь задавал вопросы о результатах испытаний и проверок скафандра, катапультируемого кресла, блока автоматики, в котором была заложена программа приземления. Он искал все возможные недоделки, недодумки, не находил, но не успокаивался. Этот дух сомнения, эту страсть поиска он хотел передать всем, сидящим напротив него людям, потому что понимал: будь он и семи пядей во лбу, один он всего сделать не сможет. Неимоверная сложность и небывалый размах этой работы требовали коллективных усилий, и экзамен предстояло держать не только его, Королева, научно-техническим решениям, но и его способностям организатора и воспитателя всех этих людей.

Полетное задание на первый космический полет подписали председатель Государственной комиссии, Сергей Павлович королев, Мстислав Всеволодович Келдыш, Николай Петрович Каманин и другие члены Государственной комиссии.

Вопрос: кто полетит, оставался пока открытым. Вернее, выбор уже был сделан, но формально командир «Востока» еще не был утвержден. Во всяком случае, вечером того же дня космонавты, подчиняясь плотному графику Карпова, примеряли скафандры и подгоняли подвесную систему парашютов. Гагарин сохранял свою неизменную, спокойную приветливость, держался ровно и просто, словно вопрос, кто же займет кресло в первом космическом корабле, мало его интересовал. Между тем, до утра 8 апреля Гагарин не мог знать точно, что это предстоит сделать ему. Только тогда по предложению Каманина он был утвержден командиром «Востока».

О том, что 9 апреля, несмотря на воскресенье, будет обычным рабочим днем, вроде бы даже и не объявлялось — настолько это казалось самоочевидным. Пружина нервного напряжения медленно взводилась, несмотря на подчеркнутую будничность всего хода работ, о которой говорил Раушенбах. И если бы этого не было, это было бы ужасно, это означало бы, что полет человека готовят не люди, а роботы, с транзисторами вместо сердец. Нет, они волновались, волновались, как колумбова команда, ведущая «Санта-Марию» к неизвестному берегу 12 октября 1492 года. Святое волнение, и высшее счастье для человека пережить его хоть один раз в жизни!

Последнее заседание Государственной комиссии проводилось вместе с космонавтами. Королев чувствовал: момент исторический. Он говорил о первом спутнике, о последних годах напряженной работы >и их итоге — первом полете человека в космическое пространство. Он говорил о полетах будущих. Они не за горами. «Даже в этом году», — сказал Сергей Павлович, взглянув на сидящего рядом с Гагариным Титова. Он говорил

серьезно и весело одновременно. Он излучал бодрость, уверенность:

— Скоро мы будем иметь двух-трехместный корабль. Я думаю, присутствующие здесь космонавты, если мы их попросим, не откажутся «вывезти» и нас на космические орбиты…

Сколько правды было в этой шутке! Ведь всегда, с отроческих лет, мечтал он летать сам! С тех давних пор, когда красный пилот Александр Шляпников поднял его на стареньком фанерном бипланчике М-9 над одесскими пирсами и дюком Ришелье, с того самого 1923 года на всю жизнь влюбился он в полёт. «Строить летательные аппараты и летать на них!» — это девиз его молодости. Он летал на всех своих планерах. Он обязательно полетел бы и на ракетопланере, задуманном еще в 1931 году, полетел бы непременно, если бы время было чуточку добрее к нему. И вот теперь — ракета, способная поднять корабль с человеком… Он всегда пришпоривал годы, подгонял события своей жизни, никогда не думал, что, торопя время, — сам не молодеет от этого. В ту весну, когда в Клушине родился этот старший лейтенант, которого все сейчас разглядывают, он докладывал в Ленинграде с трибуны Первой Всесоюзной конференции по изучению стратосферы:

— …Речь может идти об одном, двух или даже трех людях, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей…

Вот он сидит перед ним, командир этого первого корабля, которому он над колыбелью нагадал тогда судьбу, словно в волшебной сказке. Он понимал, что годы ушли и на этот раз он опоздал: его ракета улетит без него. Он видел все медицинские строгости, да при чем тут медицина?! Смешно даже думать, чтобы кто-нибудь разрешил ему сегодня космический полет. Но разве от всего этого знания-понимания легче? Разве душа не стремится снова и снова в эту высь, никому еще не покорившуюся?..

На следующий день в пять утра ракету, состыкованную уже с «Востоком», который до поры прятался под стеганым чехлом теплозащиты, надетым на головной обтекатель, вывозили из МИКа на старт. Королев всегда приходил на вывоз. Самим фактом своего присутствия он подчеркивал важность этого события. Электровоз тихонько толкал платформу установщика, на котором, краснея заглушками двигателей, лежала ракета, а перед установщиком, не торопясь шагал Главный конструктор и еще несколько человек с ним из числа самых усталых и невыспавшихся. Они шли до поворота, до того места, где рельсы близко подходили к асфальту шоссе и где стояли, поджидая их,

машины…

И сегодня привычный ритуал не изменился. Королев в своем старом ратиновом пальто цвета маренго и темной велюровой шляпе (он не то чтобы был суеверен, но как-то не любил надевать новое на космодроме) шагал по шпалам перед ракетой. Жиденькая весенняя заря алела у восточного края пустыни: начинался последний предстартовый день.

После полудня Гагарин и Титов приезжали на встречу со стартовой командой. Двух молодых летчиков разглядывали с живым интересом. Трудно было поверить, что завтра один из них станет самым популярным человеком на земле. Эта встреча тоже была ритуалом. Королев считал, что все это не пустяки, это нужно для людей.

— Это очень важно, — доказывал Королев скептикам, — чтобы космонавт не почувствовал себя пассажиром, которого впопыхах впихнули в купе отходящего поезда…

Весь день Сергей Павлович провел на стартовой площадке. Он не вмешивался в работу стартовой команды, понимал: такие вмешательства могут только нервировать людей и, следовательно, приносить урон делу. Вопросы, возникающие в ходе подготовки, которые требовали такого вмешательства, решались быстро и относительно спокойно. Люди, давно работавшие с Королевым, уже знали: в самые напряженные часы и минуты Сергей Павлович редко прибегает к своим «воспитательным разносам», потому что в это время ему уже не до воспитания. Разумеется, он ничего не забудет и может напомнить о случившемся, причем напомнить в наиболее неблагоприятной для провинившегося ситуации…

В половине десятого вечера Королев зашел в домик космонавтов неподалеку от стартовой площадки. Гагарина и Титова перевели туда только на одну ночь, чтобы не будить их раньше, выгадывая время на дорогу. Кроме них, в домике ночевал Карпов. Королев старался быть веселым, шутил, убеждал Карпова, что очень скоро в космос будут летать по профсоюзным путевкам, но человек внимательный мог разглядеть на его лице следы давней уже усталости.

Очевидно, он не ложился в ту ночь. Он читал журнал «Москва», вернее, пробовал читать, но получалось плохо. В третьем часу ночи он опять пришел в домик космонавтов, на цыпочках, приложив палец к губам, прошел в комнату, где стояли кровати Юрия и Германа и, удостоверившись, что они спят, уехал на стартовую.

Широко известные кинокадры, на которых запечатлен С. П. Королев, сидящий за круглым, покрытым скатертью столом

у лампы с абажуром и переговаривающийся с Гагариным, документальны относительно. Это действительно Королев, и говорит он действительно точно те слова, которые он говорил Гагарину перед стартом. Но кадры эти сняты позже, не 12 апреля. Королева в бункере в то утро никто, к сожалению, не снимал. Да он и не разрешил бы никогда, чтобы кто-то отвлекал его треском кинокамеры и яркими лампами подсветок. Трудно теперь узнать, как точно сидел Сергей Павлович в командном бункере, как это все выглядело. Те немногие люди, которые находились тогда рядом с ним, были слишком заняты, чтобы «наблюдать» Главного конструктора. У них было достаточно других объектов для наблюдения. Королев не отдавал приказаний и не объявлял готовность по времени. Это делали пускающий Анатолий Семенович Кириллов (именно его палец нажал на кнопку «Пуск») и заместитель Главного конструктора по испытаниям Леонид Александрович Воскресенский. Королев был рядом. Он говорил с Гагариным и одновременно точно фиксировал в своем мозгу все происходящее вокруг него, все команды, приказы, сообщения, вспыхивающие транспаранты и табло. Всем своим существом проникал он в эту космическую увертюру и не находил в ней фальшивых нот или сбоя ритма. Все звучало слаженно и четко до той самой секунды, когда сквозь треск электрических разрядов услышал он гагаринское: «По-е-ха-ли!»

Через несколько минут произошел сброс головного обтекателя — и Гагарин увидел в иллюминаторе голубую землю и совершенно черное небо. Яркие немигающие заезды смотрели на него. Этого никогда не видел ни один человек Земли.

Никому не пришло в те минуты в голову промерить пульс не только у первого космонавта, но и у Главного конструктора тоже. Впрочем, он бы не разрешил, разумеется. Однако можно поручиться, что пульс Королева был чаще. И дело тут, конечно, не только в возрасте…

Но столько дел было еще впереди!

Алексей ИВАНОВ,
ведущий конструктор космического корабля «Восток»,
лауреат Ленинской премии

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ-ГРАНИЦА

Космонавтика
имеет безграничное

будущее
и ее перспективы
беспредельны,
как сама Вселенная!

С. П. КОРОЛЕВ

— Здравствуйте. С Вами говорят из редакции журнала «Пограничник». Скажите, это о Вас писала «Комсомольская правда»?

Телефонный звонок, вопрос, заданный столь прямо, вначале как-то обескуражил меня. «Пограничник»… Пограничные войска… Граница… Как в калейдоскопе, память услужливо прокрутила прожитые годы. Да, 36 лет назад… Осенью 1940 года…

— Да, это я.

— Нам нужно обязательно встретиться. Ведь Вы были пограничником, а потом воевали? А после войны Вам довелось участвовать в таких делах, в таких делах! Ведь вы можете рассказать столько интересного нашим читателям, пограничникам…

Рассказать… Для того чтобы рассказать, надо помнить. Помнить то, что было чуть ли не четыре десятка лет назад. Но я прекрасно знаю, что достаточно только потянуть ниточку воспоминаний, как она начнет разматываться с клубка жизни. Порой прочная, порой столь тонкая, что вот-вот оборвется. И рвется. И есть в памяти пропуски. Стерлись факты, даты, люди… Не может память хранить все то, что составляло дни, месяцы, годы — жизнь человека. Но есть и такое свойство памяти: хранит она то, что заложилось более глубоко, то, что было очень дорогим, то, чего забыть нельзя. Но память индивидуальна. Она хранит свое. Только свое. Только то, чем жил человек. Даже память народная соткана из малых ячеек памяти отдельных людей.

А быть может то, что дорого мне, значительно для меня, совсем не интересно другому, другим? А ведь делиться надо чем-то интересным.

Да, собственно говоря, чем особенным интересна моя жизнь? Таких, как я, в стране сотни тысяч. Говорят, статистики определили, что тех, кто родился в 1921, 1922, 1923 годах, осталось в живых что-то около трех процентов. Может быть, это и так. Наверное, очень счастливым может считать себя человек вот из этих самых трех процентов. Но вот сейчас, мысленно перебрав свою жизнь, пожалуй, могу взять на себя смелость считать себя

счастливым человеком не только потому, что я из этих самых трех процентов, но и потому, как сложилась моя и военная и послевоенная судьба. Как началась для меня лестница жизни, какие ее ступени судьба передо мной поставила.

Человек начинает считать ступени-этапы с самостоятельности. С того момента, когда жизнь отрывает его от родительского крова, от детства, от юности, от опеки и заботы близких, родных. Так бывает не у всех, но у многих. Так было и у меня.

ЭТО БЫЛО В СОРОКОВОМ

18 лет. Только что окончена школа. Осталось в памяти какое-то особое, сильное чувство, переполнившее меня, когда, сдав последний экзамен, я ехал домой. Давно знакомые, пробегавшие мимо окон электрички места казались новыми, окрашенными в необыкновенный цвет.

Улыбалось все — люди, деревья, дома… А что же теперь меня ждет? Что впереди? Известным было лишь одно: осенью, в октябре, призыв в Красную Армию. Таков был закон. И вот этот октябрь подошел очень скоро. 4 октября. Я повторю: 4 октября 1940 года. Повторю потому, что тот же день — 4 октября, только 17 лет спустя, в моей памяти тоже остался, остался на всю жизнь.

4 октября 1940 года группа призывников, самых разных и по одежде, и по настроению, погрузилась в товарные вагоны, побросав свой немудреный багаж на досчатые нестроганые двухэтажные нары. На каждые по восемь. Итого в вагоне тридцать два. Мы ехали на границу. Поняли это по тому, что сопровождали нашу группу несколько командиров в зеленых фуражках. Но куда? Граница велика. И этого никто из нас не знал. И, пожалуй, в тот момент, когда за отодвинутой дверью вагона растаяли последние контуры Москвы, я понял, что все веселое и беззаботное кончилось и что-то неясное, загадочное, новое началось. Шесть суток в пути — Киев, старая граница с Польшей — станция Волочиск, затем Западная Украина, Тернополь, Львов и вот поздно вечером 10 октября — остановка.

Вокзал. Темень. Тишина. Команда старшего: «Вылезать тихо, по-одному! Не разговаривать! Не курить!»

Паровоз уперся в границу. Перемышль. Разношерстной толпой, отнюдь не по-военному прошли по темным тихим улицам города. На следующий день — все в баню. С каким трудом впервые в жизни многие из нас пытались обернуть ноги портянками, надеть сапоги! В новеньком военном

обмундировании — синих галифе, гимнастерках с зелеными петлицами с малиновым кантом, серых буденовках — все стали настолько одинаковыми, словно неразличимые близнецы какой-то огромной семьи.

Итак — мы пограничники 92-го погранотряда войск НКВД. Начались дни занятий, напряженные дни военной страды. Сохранилась у Меня, к счастью, маленькая записная книжечка, теперь уже изрядно потрепанная, в когда-то сером переплетике. В ней мелким-мелким почерком я записывал то, что хотел доверить этому своему безмолвному другу, памяти беззаботной юности. Подарила мне эту книжечку в день отъезда из дома любимая девушка. И вот первая запись. Ровно через месяц.

«4 ноября. Вот уже месяц, как я покинул дом. Сами дни летят быстро, но в общем же время идет медленно. Хотя настроение и стало заметно лучше. Но в свободное время не знаешь, куда себя деть. Скучаю, вспоминаю дом. Учеба идет хорошо……

Мы учились нести охрану границы — трудную, опасную, почетную и интересную службу. Прошло четыре месяца учебного батальона. Приняли военную присягу, и вот — застава. Настоящая, не учебная. Застава № 9. Большой дом в освобожденной деревушке Михайлувка. В 150 метрах от заставы река Сан, приток Вислы. Это граница.

Участок нашей заставы считался спокойным. Нарушений почти не было. Завидовали мы, признаться, городской перемышльской заставе. Там и комендатура была, и штаб отряда. Чуть не 1000 задержаний за год! Шутка сказать — по три в сутки.

Но служба была очень интересной. Дозоры, секреты, винтовка-трехлинейка, два подсумка патронов, две гранаты РГД-33 в брезентовом чехле — все боевое, настоящее, не учебное. Помню, с каким восторгом я смотрел на старый пень близ дозорки, в котором под отодвигавшимся куском коры было спрятано телефонное гнездо. Старший наряда вынул из чехла трубку, вставил вилку в гнездо и вполголоса доложил дежурному обстановку на фланге.

— А знаешь, я отсюда, если нужно, могу прямо в Москву, в главный штаб позвонить! Что, не веришь? Нужно только слово особое сказать!

Я верил ему, и даже в то самое «заветное» слово…

Из технического, так сказать, оснащения помимо биноклей и стереотрубы запомнилось мне одно. Называли мы его просто «СП» — секретный прибор. А суть его была вот в чем. Металлический прут в полметра, на конце прикреплена полукруглая металлическая коробочка, в ней рычажок с пружиной. К рычажку с обеих сторон привязывался тонкий шпагат — метров по сто,

растягивался на проволочных колышках с ушками. Дернешь за шпагат — рычажок в коробочке тихонько щелкнет и повернется вправо или влево.

Прибор этот рядом с собой ставил наряд ночью в секрете. Щелкнуло — вот и смотри, справа или слева от тебя кто-то задел за шпагат. Может, нарушитель? Не знаю как насчёт пользы, но неприятностей этот прибор доставлял немало. Зайцы, лисы и прочие четвероногие «нарушители» не догадывались, что им не стоит натыкаться на это хитрое устройство. А их на участке заставы развелось великое множество. Пугать их никто не пугал, стрелять — тоже не стреляли.

Да и как стрелять? У нас в то время закон был строжайший. Открывать огонь по нарушителю можно было только в том случае, если он не останавливался на окрик «Стой!» и предупредительный выстрел, если не удавалось задержать его, да чтобы пули не летели на сопредельную сторону. Иначе — погранинцидент.

Но в общем обстановка на заставе в последние месяцы 1940 и в начале 1941 года была по сравнению с другими заставами спокойной. По крайней мере, так казалось с моей рядовой точки зрения. Ведь я был просто «товарищ пограничник».

Повезло мне с напарником по наряду только в одну из ночей в первых числах апреля. Задержали мы-таки одного «гражданина». Вышел он на нас крадучись, я его пропустил, напарник взял «на штык»: окликнул вполголоса из-за куста. Нарушитель отпрянул, пытался как-то неуклюже повернуться, но второй штык легонько коснулся спины. А дальше — дальше все по науке, как учили.

Остался очень памятным день 12 апреля. Пожалуй, он был особым днем. Не было бы этого дня в моей жизни, кто знает, было бы еще 12 апреля…. 12 апреля… И опять эта дата повторится в моей жизни ровно через 20 лет.

12 апреля 1941 года из штаба отряда на заставу пришло распоряжение откомандировать меня в школу младшего начсостава служебного собаководства. Пришлось осваивать новую науку и новую «технику» — четвероногую.

Два месяца довелось мне учиться премудростям проводника служебной собаки. И, пожалуй, одной из «достопримечательностей» школы, а находилась она в городе Коломыя, было то, что все там делалось только бегом. После подъема — бегом на зарядку, потом бегом на собачью кухню за бачками с завтраком, бегом с бачками в вольеры, к собакам. Маленькая передышка, пока они ели. Потом опять бегом мыть бачки в ручье, бегом на кухню, потом в свою столовую, на

завтрак, на занятия. На территории школы курсантам разрешались два режима движения: бегом или строевым шагом.

Вот в таком жестком режиме прошел май, начался июнь. Мы вместе с моим мохнатым другом рослой сильной овчаркой Ашкарт довольно прилично осваивали премудрости «высшего собачьего» образования.

Июнь был жарким, настоящим летним. С нетерпением ждали мы каждого воскресенья. В эти дни можно было получить увольнительную в город. А это всегда приятно. Так же ждали мы и воскресенья 22 июня. Я особенно ждал этого дня, родители мне посылочку прислали, да и фотографии надо было получить. Отцу с матерью, любимой девушке свой курсантский пограничный «облик» отправить…

22 июня. День летнего солнцестояния в понятии астрономов. Не знаю, остановилось ли Солнце в этот день, но, по-моему, и оно должно было бы, вздрогнув, остановиться…

В 4 часа утра всех курсантов школы словно вихрем смели с коек раздавшиеся неподалеку сильные взрывы. Не ожидая команды, все выскочили на улицу. Но дневальный, невозмутимо стоявший на своем обычном месте, ничего, кроме размышлений: «… да это на аэродроме, там вот рядом, учебное бомбометание было. Странно только… с санитарных самолетов бомбили» — сообщить не мог. Кто-то спросил:

— Почему это ты думаешь, что с санитарных?

— Как почему? Кресты у них были на крыльях!

Один из курсантов, весьма уважаемый в нашем взводе за политехническую эрудицию, несколько побледнев и почему-то начав слегка заикаться, тихо произнес:

— Ребята, если кресты на крыльях, — это немецкие самолеты…

Так началась война. Великая Отечественная.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Через несколько часов об этом перед застывшим строем курсантов говорил и начальник школы.

До 1 июля мы находились в Коломые. В городе уничтожались бензобазы, заводы. А в небе вертелись самолеты-разведчики. Изредка бомбили. Мы дежурили у зенитных пулеметов, отвечали огнем. Обстановка на нашем направлении, очевидно, складывалась так, что гитлеровцы не очень рвались к городу. По всей вероятности, они продвигались где-то в стороне. Вот это нам и объявили командиры 1 июля. Город оказался почти в кольце.

Был получен приказ вырваться из окружения с минимальными потерями через коридор километров в 8-10 и двигаться по направлению к Киеву.

Городенки… Гусятино… Дунаевцы… Бар… Жмеринка… Винница… Сквира… Белая Церковь… Васильков… Киев… Сейчас это просто перечисление населенных пунктов. А тогда? Изнурительное, тяжелейшее отступление с боями, бомбежки, обстрелы с самолетов. Пожары, дым, гарь, трупы людей, лошадей, сгоревшие танки, автомашины… 18 суток отступления. И строжайший приказ: «В бой не вступать! Весь личный состав вывести под Киев, в Бровары». И не только курсантов. Шли вместе с собаками. Все было в эти 18 дней и ночей. Однажды ночью, если бы не мой верный Ашкарт, я, изможденный до крайности, еле переставлявший ноги, попал бы к противнику. Спас Ашкарт мне жизнь.

Киев… Прилуки… Ромны… Богодухов… Харьков… Тяжелые дороги отступления. 18-й погранполк, затем 38-й. О службе, работе пограничников вместе е контрразведчиками прекрасно рассказано в книге В. Богомолова «В августе сорок четвертого». Лучше не расскажешь. И наша работа была такой же. Был я в то время командиром отделения, потом помкомвзвода, замполитруком.

Купянск, Валуйки, Ефремов, Елец, Мценск… Прошел год. Первый год войны.

В июле 1942 года я был отозван из полка в распоряжение особого отдела Брянского фронта…. Опять поворот жизненной дороги. Вот уж никак не думалось, не мечталось, что придется стать контрразведчиком. Да и не только контрразведчиком, а еще и угодить в казачий кавалерийский корпус.

Долго памятен мне был, до сих пор не забылся мой первый «кавалерийский» день. В ноябре, после окончания курсов, надев два «кубаря» в петлички, добрался я с горем пополам на попутных грузовиках до штаба кавалерийского корпуса. Доложив начальству, я тут же получил назначение на должность оперуполномоченного особого отдела в 250-й кубанский полк 11-й имени Морозова кавалерийской дивизии…

Имени Морозова… Был такой легендарный начдив в 1-й конной, у Буденного. И дивизия одиннадцатая тоже была. Славная боевая история, славные традиции.

Так вот, до штаба этой дивизии от корпуса было километров двадцать пять. И теперь эти километры мне надлежало проехать не на попутных, а верхом. Легко сказать, верхом. А если я ни разу в жизни не садился на коня, даже не знал, с какой стороны на него садиться полагается. Подсказали казачки, усмехнувшись.

Взобрался я в седло. Но вид у меня в пилотке, в пехотинской без разреза сзади шинели, пожалуй, был далеко не казачий. Тронулись в путь. Меня сопровождал до дивизии офицер из корпуса. Выехав из деревни на большак, мы вначале ехали шагом. Лошадку мне дали спокойную, так что я себя чувствовал, признаться, не так уж и плохо. Помню, даже пытался голову гордо поднять и свысока поглядывать на идущих по обочине пехотинцев. Дескать, вот, смотрите вы, пехота, как мы, казаки, ездим!

Но тут, как на грех, офицер, ехавший впереди, тронул коня рысью. И вот тут-то началось! Эта проклятая кобыленка, несшая на своей спине такого бравого казака, как я, увидев, что шедшая перед ней лошадь побежала рысью, без всякой инициативы и принуждения (избави бог!) с моей стороны тоже зарысила.

Ее спина, а следовательно, и седло, в котором за минуту до этого я так гордо восседал, считая себя казаком, стали совершенно беспорядочно, как мне казалось, подниматься и опускаться. Меня трясло так, что зубы стучали, а внутренности, казалось, все поотрывались со своих мест.

К счастью, сопровождающий меня офицер в этот момент оглянулся и, видимо, заметив мой «гордый» вид, расхохотавшись, остановился, поджидая, пока я до него дотрясусь. По-ровнявшись со своей подружкой, моя лошадка сама остановилась и невозмутимо помахивала головой. Ох, проклятая) Как же я ее ненавидел в эту минуту.

Мне был выдан дополнительный инструктаж, как надо применяться к движениям лошади на рыси, как в такт привставать в стременах. И мы двинулись дальше. Порой, помню, мелькала у меня мысль слезть к чертовой матери с этого «вида транспорта» и идти себе нормально, как люди ходят, пешком, но я не знал, как слезть с лошади, да и стыдно было…

Вот так началась для меня кавалерия. Это был 1942 год. А потом были бои. Бои тяжелые, кровопролитные. Рейды по вражеским тылам, ночные марши по 60–70 километров не слезая с седла. А это очень не легко.

В январе 43-го в тылу у гитлеровцев наш полк вместе с соседним взял город Валуйки, что в Курской области. Нашла меня в этом бою пуля с немецкого танка. Тяжелым было ранение, в шею. Вытащил меня полуживого из-под огня мой ординарец — Дядя Коля. Дядя Коля… Горбунов Николай Григорьевич. Батей его звал. Ему 43, мне 21 год. Замечательный это человек. В прошлом чекист, чекист двадцатых годов. За борьбу с басмачеством в Средней Азии имел именное оружие, а в Отечественную воевал рядовым солдатом. В моем фронтовом

альбомчике сохранилась его фотокарточка. Простое русское лицо, круглая кубанка на голове. На обороте надпись: «Моему любимому боевому другу, товарищу и начальнику в память о Великой Отечественной войне с кровавым фашизмом. Пусть это незавидное фото послужит нашей привязанности, а в дни разлуки будет напоминать о нашей общей цели — уничтожении врага до единого. Береги и соблюдай чекистские традиции в чистоте. Изучай Ф. Э. Дзержинского, этого лучшего солдата партии. 7 апреля 1943 года Н. Горбунов». Жив мой дядя Коля. Жив старый чекист. Живет он сейчас в городе Оренбурге…

…Молодость есть молодость. Месяц в госпитале, и догнал я свой полк под Харьковом. Дальше везло больше. Коней подо мной убивало, кубанку на голове осколками рвало — все было. А я словно заколдованный.

Смоленщина, Украина, Западная Украина… Тяжелые бои за Ровно. Помните? «Это было под Ровно». Николай Кузнецов. Легендарный разведчик. Немного мы опоздали. Был бы жив этот замечательный человек.

Потом Дубно. Страшный, тяжелый бой… Но армия наша шла вперед. Не легко и не просто — но вперед.

И вот 24 июля 1944 года — памятная дата. Полк вышел на нашу государственную границу в районе Равы-Русской. Чуть-чуть не на бывшем участке своего родного 92-го погранотряда. Здесь в 1940 году был штаб соседнего отряда, не помню его номера. Вот он, знакомый красно-зеленый наш пограничный столб. Номер 169.

Дальше, дальше шли мы на запад. Польша, Румыния, Венгрия… В мае 1945 года воевали в Чехословакии, под Прагой. И вот — долгожданное! Великое, выстраданное, кровью политое, но радостное 9 мая. Победа! Пулеметная трескотня, потоки трассирующих пуль просто так, в никуда, в небо. Победа! Победа!

На нашем участке пришлось воевать до 15-го. Доколачивали 35-тысячную группировку противника.

И вот — приказ командования — в Москву, на парад Победы. По дороге опять старые, знакомые места. Граница, но уже новенькие погранстолбы. Наш поезд подходит к станции. Небольшой вокзал, и на его фронтоне простая, скромная надпись: «Коломыя». Вот так замкнулся для меня круг военных дорог.

А 24 июня, когда стояли мы на торжественно притихшей Красной площади, когда замолк тысячетрубный оркестр и только сухая, резкая дробь барабанов рвала тишину и падали к мавзолею фашистские знамена, вот только в эту минуту я всем своим существом, всем сердцем понял: кончилось! Вот теперь — кончилось…

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В начале 1946 года — врачебная комиссия и… демобилизация. Ранение, полученное в 1943 году, все еще сказывалось. Заключение: «К службе в армии не годен. Годен для работы в гражданских учреждениях при пониженном рабочем дне, без тяжелой физической и умственной нагрузки».

Инвалидность. Пенсионная книжка в кармане, и можно было с шинели и гимнастерки снять офицерские погоны. Все. Я больше не военный. Я инвалид, пенсионер в 24 года. За плечами почти забытая десятилетка. Надо было воевать. А этой премудрости нас в школе не учили. Этому учились сами. Итак десять классов школы и четыре года войны вместо четырех лет института. Вот и все образование.

Старики родители. Жена — студентка. А год 1946-й был годом не легким. Первый послевоенный год. Стране было трудно. Не легко и людям. Карточная система. По талончикам с надписью «жиры» и «сахар» магазины «отоваривали» порой такими продуктами, которые сейчас не найдешь в ассортименте самого крупного столичного «Гастронома» — «суфле» или «яичный порошок». Хлеб, по 650 граммов на день рабочему, по 500 — служащему, 400 — иждивенцу.

Очень скоро стало ясно, что в положении пенсионера-иждивенца жить дальше нельзя. Да и внутри, честно признаться, все бунтовало. Какой же я, к черту, инвалид-пенсионер в 24 года? Работать надо. Обязательно работать. Но кем? Где? Специальности ведь никакой. Выручило то, что еще мальчишкой, до войны, я увлекался радиолюбительством. Собирал радиоприемники, даже ламповые. Знал, что такое анод, сетка, катод, триод, пентод, пентагрид. Умел разбираться в радиосхемах и, главное, паять.

К счастью, неподалеку от дома, в одном из учреждений, принимали на работу демобилизованных. Приняли и меня. Должность «большая». Название громкое — «лаборант н/о», что значило по штатному расписанию лаборант низшего оклада. А оклад — 450 рублей (в старых деньгах, конечно). Но это была уже работа. Первая работа. Все было. Таскал ящики с приборами (без тяжелой физической…), изредка паял (…и умственной нагрузки!). Доверяли. Сидел на морозе в продуваемой насквозь дощатой будочке, крутил ручки и нажимал кнопки на приборах по указанию инженеров. И был очень доволен. Хотя, честно говоря, конечно, не совсем.

Через год удалось перевестись в ракетное конструкторское бюро Сергея Павловича Королева.

И вот с этого, 1947 года начался для меня тот путь, началась та дорога, которая стала содержанием, целью всей жизни. Работал техником, но потом удалось поступить в институт. Защитил диплом, стал инженером…

Космос… Космическое пространство. Вселенная. Бесконечная… Безграничная… Что может одолеть тебя?! Наверное, только мысль. Человеческая мысль. Полет ее беспределен. Быть может, поэтому мысль как средство и космическое пространство как среда его применения и нашли друг друга?

Познать непознанное… Мириадная россыпь звездных миров. Тысячи, миллионы световых лет, отделяющих Землю, — единственную колыбель разума в Солнечной системе, возможно, единственную в великом множестве подобных систем во Вселенной. Издревле люди изучали природу, пытались узнать ее законы. Окружающий мир казался им пугающим и таинственным. Но век сменялся веком. Человечество продвигалось вперед по дороге познания…

И вот наступил бурный, богатый открытиями XX век. Не в мечтах философов, не в мыслях писателей-фантастов — на чертежных досках конструкторов, на станках рабочих, в лабораториях испытателей рождалось то, чему суждено было открыть новую эру познания. Эру освоения космоса. Не теоретически, нет. Практически. А они, эти люди, и не думали об эпохальности, историчности их работы.

Наступил 1957 год. Как-то в конце рабочего дня ко мне подошел один из ведущих инженеров нашего конструкторского бюро и начал, словно бы невзначай, разговор о том, что интересно, конечно, работать в конструкторском отделе, быть ближе к производству тоже не плохо, а участвовать в создании нового, совсем нового — просто великолепно. Но вскоре я стал подозревать, что разговор этот ведется в весьма определенном направлении и что «огонь» сосредоточен издалека, но по хорошо видимым целям. И действительно, спустя еще несколько минут он выложил главное.

— Слушай, давай работать вместе!

— Над чем работать? Кем?

В конце концов выяснилось, что товарища назначают ведущим конструктором первого спутника, разработка которого уже шла в нашем конструкторском бюро, мне же он предлагал быть его заместителем. Ну конечно, если я согласен и Главный конструктор эту идею поддержит.

Скажу прямо: предложение меня застало врасплох. Что

значит ведущий конструктор или его заместитель, я примерно представлял. Были у нас такие. Все знать, все видеть, за все отвечать. Но представлять — одно, работать же — совсем другое. О самом себе в подобной роли я никогда не думал. Впрочем, дело, конечно, интересное. Шутка сказать — первый спутник. Первый в мире.

Поздно вечером нас принял Главный.

— Ну что, договорились? — в упор спросил он. Я понял, что разговор обо мне какой-то уже был. Товарищ мой попытался обстоятельно доложить о моих колебаниях, но Сергей Павлович жестом остановил его и, глядя на меня, спросил:

— Согласны?

Смутившись, я довольно бессвязно пролепетал что-то в том духе, что все это для меня очень ново, что у меня нет опыта.

— А вы думаете, все, что мы делаем, для всех нас не ново? На космос думаем замахнуться, спутники Земли делать будем — не ново? Человека в космос пошлем, к Луне полетим — не ново? К другим планетам отправимся — старо, что ли? Или, вы думаете, мне все это знакомо и у меня есть опыт полетов к звездам?

Я молчал.

— Эх, молодость, молодость! — Глаза его потеплели: — Ну что ж, скажу: молодость штука хорошая, и это не главный ваш недостаток! Так что же, беретесь?

— Берусь, Сергей Павлович.

— Ну вот и добро. Желаю всего хорошего и до свидания. Меня еще дела ждут.

Его рука легла на пухлую стопу вечерней почты. Было около одиннадцати часов вечера.

Вот так для меня начался космос…

Большое видится на расстоянии. Вблизи же была обычная, трудная, напряженная работа. Рождался первенец. Рождался «ПС». Точнее, объект «ПС». Вот так сухо и буднично в чертежах был окрещен тот, которому надлежало свершить дела далеко не будничные. «ПС» — простейший спутник.

Вот сейчас написал я эти очень родные для меня две буквы: «ПС», и невольно вспомнилось оперативное совещание у Королева уже где-то в конце подготовки спутника.

— Ну что же, начнем, товарищи, — как всегда негромко произнес Главный. — Сегодня мы подведем итоги испытаний ракеты и спутника. Докладывайте, товарищ ведущий.

Мой непосредственный начальник с присущей ему обстоятельностью, поглядывая в блокнот, начал, но, очевидно, волнуясь, почему-то раза два сказал не объект «ПС», а объект «СП»… Главный прислушался, жестом остановил его и тихо, но

очень внятно произнес:

— «СП» — это я, Сергей Павлович, а наш первый простейший спутник — это «ПС»! Прошу не путать…

И знаете, какая мысль сейчас мелькнула? Помните, в начале моего рассказа я писал о «секретном» пограничном приборе тридцатых годов — приборе «СП»? Опять в моей жизни эти две буквы. И в одном сочетании, и в другом. Случайно ли это? Случайно, конечно…

И вот октябрь 1957 года. Космодром. В огромный зал монтажного корпуса подан мотовоз. Громадная ракета, уложенная на специальную платформу, поблескивая соплами своих 32-х двигателей, подрагивая на стыках рельсов, медленно выползает через бесшумно раскрывшиеся огромные ворота в звездную темень южной ночи.

Рядом с ракетой идут те, чей труд и талант были вложены в ее создание. Люди идут с непокрытыми головами. Шляпы, шлемы в руках.

Силуэт ракеты на фоне звездного неба был необычен. Неужели дожили? Неужели?! Но нет, и тогда не думалось о величии происходящего: каждый делал свое дело, большое ли, маленькое, но свое нужное дело…

Минутная готовность! Минутная!

Оторвалось и пропало облачко парящего кислорода от тела ракеты. Сейчас, вот-вот сейчас! Сердце, кажется, вырвется из груди. Почему так долго? Какие же долгие, тягучие секунды! Смотрю не отрывая глаз, боясь моргнуть. Наконец — отблеск пламени и вслед за ним гул, низкий, раскатистый гул. Ракету заволакивает клубами дыма, дым все выше и выше. Кажется, вот-вот он скроет ее всю. И в этот момент величественно, неторопливо, уверенно она двинулась, поднялась… И всплеск, ярчайший всплеск света! Пламя вырвалось из стен стартового устройства. Факел рвет темень ночи. Светло кругом. Только тени — резкие, черные, ползущие тени от людей и машин. Раскатистый грохот двигателей. Ночи уже нет — все окрест залито ярчайшим светом. Ракета идет! Все быстрее и быстрее! Все выше и выше! Вот плавный поворот на траекторию, пламя, кажется, бьет прямо в глаза, но расстояние смягчает его, гул становится глуше. Ночь возвращается. Контуры могучего тела уже не видны. Только созвездие огоньков, с каждым мгновением тускнеющее, наконец, только звездочка…

И вот ее уже не распознать среди множества настоящих звезд. Минута тишины. И… крик! Кричат все. Что кричат — не разберешь, машут руками, обнимаются, целуются, кто-то тычется небритым, колючим подбородком в щеку, кто-то хлопает по

плечу…

Счастливые, без меры счастливые лица. Пошла!!! Победа!!! Вы можете понять счастье человека, пережившего такое?

Может он считать себя счастливым, пережив все это хотя бы раз в жизни?

Это было 4 октября 1957 года. Ровно через 17 лет с того дня, когда я, оторвавшись не от Земли, нет, от родной семьи, ехал в теплушке на границу… Думалось ли тогда, что в моей жизни будет первый космический старт? Нет, конечно, нет.

А судьбе было угодно распорядиться так, что пережить и тревоги и счастье космических стартов мне довелось еще много раз.

ОТ ЛАЙКИ ДО… «МЕЧТЫ»

Через месяц, всего через месяц после первого спутника, 3 ноября 1957 года на орбите был второй. На борту — живое существо. В космической летописи имя первой пассажирки — собачонки Лайки — по праву занимает почетное место. Ведь она была первой. А были и конкуренты. Кандидатами на мировую славу претендовали три собачки. Причем две из них вскоре получили большие шансы. Это еще не летавшая нигде и никуда Лайка и снискавшая в этому времени уже широкую известность Альбина, дважды поднимавшаяся в исследовательских ракетах на сотни километров. Еще в феврале 1957 года газеты писали: «Альбина и Козявка летят в мировое пространство… Затяжной прыжок в 50 километров на парашюте!» Это было еще в феврале, и тем не менее Альбина нисколько не важничала и совсем легкомысленно помахивала хвостиком и с удовольствием грызла сахар.

Кого пускать — мнения разделились. Были сторонники как той, так и другой пассажирки. Мнение их самих, естественно, оставалось тайным. Большинство все же склонилось к тому, чтобы полетела Лайка. Ведь совершенно точно знали, без сомнений, что никакими средствами нельзя ее вернуть на Землю. Этого люди еще не умели делать. Как-то жалко было Альбинку. Уж очень эта была миленькая собачонка, и к тому же заслуженная…

Вот так первой «летной» стала Лайка. Альбина оставалась запасной, или «зиповской», а «технологической» — для проверок здесь, на земле, стала третья, Муха…

И вот опять ракета на старте. Опять томительные предстартовые минуты. Наконец — старт. Через десяток минут

радостнейшее известие, донесенное радиоволнами: Лайка живет! Живет! Там, в таинственном космосе, в невесомом мире бьется ее сердце. Значит, может там жить земное существо…

Прошло только два месяца со дня пуска первого спутника, только два месяца, а Сергей Павлович Королев в одной из заметок писал:

«Пройденный первым спутником путь по своей протяженности более чем в сто раз превышает расстояние от Земли до Луны… Для достижения Луны и других небесных тел потребуются новые качественные решения. Но задача достижения Луны технически осуществима в настоящее время.

Можно предположить, что в будущем именно Луна, являющаяся естественным спутником нашей планеты, станет основной промежуточной станцией на пути с Земли в глубины Космоса».

Луна — не только цель исследований. Луна — космическая база — станция на пути человечества в космос. Разве это не заманчиво?

…Прошел год. Но не просто прошел. Ни Сергей Павлович, ни его ближайшие друзья и соратники не относились к категории людей, измеряющих пройденное время днями, неделями, месяцами. У них мера была иной. Пройденное время — решенные вопросы, новые проекты, новые испытания.

У каждой дороги должно быть и есть начало. Не у каждой есть конец, его может и не быть. И кот лунная дорога на земле началась на листах ватмана в нашем конструкторском бюро. Не легкой и не простой была эта дорога. Перепутывались понятия «день» и «ночь».

И вот космодром. 2 января 1959 года. Ночь. Темная, безлунная ночь и нацеленная в зенит свеча-ракета, ставшая еще стройнее, выше. Добавилась третья ступень. Без нее не порвать пут земного притяжения, не улететь на веки вечные за пределы Земли. Минутная готовность. Томительные секунды. Каждый раз и всегда так… Всплеск света, клубы подсвечиваемого снизу дыма, поднимающиеся вверх, закутывающие ракету, скрывающие ее нагое тело…

Но, словно рождающаяся по воле сверхъестественных сил, она, разрывая окутывающие ее ватные клубы и как бы сбрасывая с себя их мягкую оболочку, не боясь своей ослепительной бело-огненной наготы, вырывается, растет из дыма, словно опираясь на горящую колонну, и с ревом, клокочущим ревом уходит вверх, в зенит. Уходит туда, куда послали ее люди.

А они, люди? Словно завороженные стоят. Все выше и выше поднимают головы, словно боясь отвести взгляд, оборвать

ниточку, связывающую каждого здесь стоящего с улетевшим детищем. Ведь последние мгновения, и больше никогда, никогда не увидишь его… Словно своей волей, энергией взгляда, сердца, мозга, направленной по той же космической трассе, люди хотят помочь ей, ракете, справиться с тяготением Земли.

И… опустошенность. Болезненная опустошенность. Вот, кажется, только что была она здесь, рядом. Отбирала все: знания, энергию, силы, нервы. И вдруг в одно мгновение, разом все взяла и унесла с собой. Не оставив ничего, даже следа. Это, быть может и субъективно. Это пройдет. Через день ли, через час… У каждого по-разному.

Ну разве это не СЧАСТЬЕ? Выстраданное, с болью, с кровью впитанное чувство причастности к чему-то необыкновенному…

Родилась наша первая «Луна» — первая искусственная планета. И название люди дали ей хорошее, теплое — «Мечта».

Потом была «Луна-2» и первые вымпелы на поверхности вдохновительницы влюбленных и поэтов… А потом…

И ОПЯТЬ 4 ОКТЯБРЯ…

…В один прекрасный день один из инженеров, подойдя к своему начальнику, изрек:

— А знаете, по-моему, у нас может получиться не только пролет мимо Луны, и не только попадание.

— А что же еще? — с недоумением спросил начальник группы.

— Может получиться облет Луны с возвращением к Земле. Я тут кое-что прикинул.

Так завязался новый проект новой лунной станции.

Невозможно на нескольких страничках рассказать о том, что пришлось пережить нам всем в конструкторском бюро, нашим смежникам в эти сумасшедшие дни и ночи проектирования, изготовления, испытаний «Луны третьей». Много было всего. И приятного и неприятного. Но станция была сделана. И вот опять космодром. И опять 4 октября. 4 октября 1959 года. Ровно через два года после первого спутника и через 19 лет… да нет, конечно, все это только случайные совпадения.

Ночь на четвертое октября выдалась прохладной. Особенно это чувствовалось на козырьке — стартовой площадке. Кругом все открыто. Раздолье ветру. Я особенно чувствовал это. Последние дни страшно болели плечо, шея, рука. Ходил к медикам — говорят воспаление нерва, принимайте анальгин и — тепло. Вот-вот, на козырьке-то как раз и есть все условия! Ходил из угла в

угол, никак не мог места найти, куда бы руку засунуть. Заметил это Главный, по всей вероятности, Подозвал к себе.

— Ты что, старина, расклеился? Это, брат, никуда не годится. Давай-ка в машину и отправляйся в гостиницу.

— Да нет, до старта никуда не поеду. Болит, правда, здорово, но от этого еще никто не умер, потерплю.

— Ну смотри, смотри. Утром самолет идет в Москву. Давай-ка лети. Здесь все равно делать больше нечего. А там куча дел. «Востоком» надо заниматься…

И бот опять минутная готовность. Вроде и боль стала меньше, начинает частить сердце… Старт! И опять все вокруг заливается слепящим светом, заполняется грохотом. Прошло несколько минут. Чувствую, как боль опять расползается по всему телу. Утром я улетел в Москву. Больница. Врачи говорят: «Покой и только покой»: А какой покой, когда станция в полете? До покоя ли тут. А что делать? Ждать. Радио ждать, газет. Связи-то своей никакой. Шла вторая неделя, третья. И наконец, жданное! 26 октября по радио, а на следующее утро в газетах:

«Советская наука одержала новую блестящую победу. С борта межпланетной станции получены изображения недоступной до сих пор исследованиям, невидимой с Земли части Луны».

Здоровье быстро пошло на поправку. Врачи были очень довольны, что прописанные ими физиотерапевтические процедуры вдруг стали столь эффективны. Я их не разубеждал…

— Зайдите-ка срочно ко мне! — Сергей Павлович произнес эти слова по телефону с какой-то теплотой, не часто возникавшей в нашей плотной рабочей обстановке. Через несколько минут я входил в его кабинет.

— Ну вот, старина, еще один год нашей жизни прошел. Завтра Новый год. Поздравляю тебя с наступающим!

Сергей Павлович, приветливо улыбаясь, вышел из-за стола, крепко пожал руку. Потом повернулся к столу, взял из пачки не толстых, в голубом переплете книг верхнюю, протянул мне.

Чуть скосив глаза на обложку, успел прочесть: «Академия Наук СССР». И ниже золотом: «Первые фотографии обратной стороны Луны». Не удержавшись, открыл переплет. На первом листе в правом нижнем углу наискось крупным энергичным почерком:

«На добрую память о совместной работе. 31.XII.59 г.
С. КОРОЛЕВ».

Стоит эта книга у меня в шкафу, а рядом подаренная зеленая пограничная фуражка. Самые дорогие реликвии.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС «ВОСТОКА»

Прошло три года. Три спутника Земли, три лунных ракеты. Становилось ясным, что изучать окружающую нас Вселенную можно теперь с помощью новых средств, до этого недоступных человечеству. Но одновременно с этим росла уверенность и в том, что исследования только с помощью приборов, телевизионных устройств, приемников и передатчиков недостаточны, если сравнить возможности автоматов с количеством неизвестных человеку данных и сведений. Ведь во многих случаях люди не знали, что может ожидать человека в космосе и поэтому закладываемые ими в приборы космического автомата возможности были очень ограничены. Вся история человечества однозначно свидетельствовала: человек должен получить возможность прямого контакта с новой для него средой — космическим пространством. Что поделаешь с человеческой натурой? Известно его стремление к познанию нового и неизведанного. И в космос его тянет, по всей вероятности, инстинкт исследования нового и приспособления к новым окружающим условиям. Помимо удовлетворения своего «человечьего» желания человек, по всей видимости, должен был составить и необходимую часть исследовательского комплекса — космического аппарата. Ведь ни один прибор, ни один автомат нельзя наделить теми качествами, которыми обладает живой человеческий мозг. Об этом писали, об этом говорили не фантасты, не историки, а ученые, наделенные всем опытом двадцатого века.

Кто-то считал это задачей текущего дня, кто-то полагал, что полет человека в космос может быть осуществлен только через несколько лет…

* * *

«…Где бы ни путешествовали будущие исследователи, чтобы ни открывали они в черных холодных просторах Вселенной, они всегда будут помнить слова: «ВОСТОК» и «Майор Юрий Алексеевич ГАГАРИН».

«Нью-Йорк таймс».

«…Россия выигрывает соревнование — космический корабль «ВОСТОК» несет майора ГАГАРИНА в историю». «Сообщение о полете в космос советского пилота привело в волнение весь мир за несколько минут».

Ахмад Аббас, индийский писатель.

…Рассвет. Еще не знаем ничего,
Обычные «Последние известия…»
А он уже летит через созвездия.
Земля проснется с именем его.

«Широка страна моя родная…»
Знакомый голос первых позывных
Мы наши сводки начинали с них
И я недаром это вспоминаю…

Волненье бьет, как молоток по нервам:
Не каждому такое по плечу:
Встать и пойти в атаку первым!
Искать других сравнений не хочу!

Константин СИМОНОВ

Я отложил в сторону газеты, купленные в киоске аэропорта, и посмотрел в иллюминатор нашего заводского ИЛ-14, на котором мы летели в Москву. Рядом в кресле сидел журналист, с которым меня познакомил Сергей Павлович. Молчит. Но вот он повернул голову, оторвавшись от иллюминатора.

— Да-а! Знаешь, все это у меня не очень улеглось в голове. Я вам всем иногда чертовски завидую. У вас такие дела, такие дела… Да и просто работать с Сергеем Павловичем — это' очень здорово! Какая личность! Это же большущее счастье, и вы должны это понимать, здорово понимать!

Да, он был прав. Действительно, ведь далеко не каждому выпало счастье участвовать в создании первых в мире космических аппаратов, работать рядом с Сергеем Павловичем, быть в коллективе, которым он руководил.

Это было 13 апреля 1961 года. Всего несколько часов назад в Куйбышеве, на берегу Волги, мы слушали рассказ Юрия Гагарина о его полете. Простой, бесхитростный рассказ простого русского паренька… 13 апреля.

А вчера?

…С верхнего мостика стартового устройства прекрасно видна степь. Половина шестого. На востоке небо начинает алеть. Три-четыре облачка неподвижно висят нежно-розовыми комками. Предрассветный ветерок настойчиво залезает под куртку.

Хорошо! Тишина, небо и степь! И вот в этой бескрайней степи люди создали космодром. Он ворвался в степь контурами зданий, стартовой установкой, разрезал степное покрывало лентами асфальта и железных дорог, обшагал мачтами электропередач, опутал небо антеннами.

И все-таки степь живет. Живет своим воздухом, ароматом, светом, орлиными гнездами на верхушках мачт… Показалась золотистая слепящая горбушка Солнца. Ветерок дунул резче. Солнце с востока прислало свое «С добрым утром» «ВОСТОКУ». И он, зарумянившись, заиграл зайчиками от полированного металла.

Внизу, там, на земле, — люди, маленькие-маленькие. Вот от небольшой группы отделилась приземистая, коренастая фигура Сергея Павловича. Прикрыв глаза ладонью, как козырьком, смотрит вверх. Машет. Спускаюсь вниз. Он внешне спокоен. Только очень уставшее лицо.

— Ну, как дела, старик?

— Все в порядке, Сергей Павлович. Ждем.

— Знаю, что все в порядке. Я, пожалуй, поеду туда, к ребятам, посмотрю, как у них подготовка идет.

И он пошел к машине. Понял я, что волнуется Главный, очень волнуется. И надо ему заполнить эту небольшую паузу, заполнить делом.

Проводив взглядом сорвавшуюся с места машину, я медленно пошел по козырьку вокруг ракеты. Как все же она красива! Что-то в ней и грандиозное, и вместе с тем легкое, изящное. Вот она здесь, наша ракета, ждет старта. А на Земле? Сколько людей по всей стране в эти минуты тоже ждут?!

Ждут радисты на специальных измерительных пунктах, еще и еще раз проверяя передатчики, приемники…

Ждут связисты — те, кому говорить, первыми говорить с космосом…

Ждут летчики поисковых групп, там, где должен приземлиться корабль…

Ждут инженеры в координационно-вычислительных центрах… Ждут люди в Москве и Ленинграде, в Крыму и на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке…

Ждут!

Сколько сердец стучат тревожно. Сколько труда вложено в осуществление мечты! А мечта-то — вот она! Здесь, рядом…

…Автобус подошел почти к самой ракете. В ярко-оранжевом скафандре, чуть неуклюже переступая ногами, шел Юрий.

— Товарищ председатель Государственной Комиссии, летчик-космонавт старший лейтенант Гагарин к полету на первом в мире

космическом корабле-спутнике «Восток» готов!

Председатель отводит его руку, поднятую к гермошлему, и крепко-крепко, по-мужски обнимает его. Тут же рядом Сергей Павлович. Смотрит добрыми, лучистыми глазами. Отец. Отец, провожающий в трудный и опасный путь своего сына и ни взглядом, ни словом не показывающий свое волнение и тревогу.

— Ну, Юрий Алексеевич, пора. Нужно садиться. — Обнялись. Крепко обнялись.

И вот мы в кабине лифта. Две-три минуты подъема — и верхняя площадка. Подходим к люку корабля. Юрий по-хозяйски осматривается.

— Ну как?

— Все в порядке, «первый сорт», как «СП» скажет — улыбаясь, отвечает ему Володя Морозов, наш монтажник.

— Ну раз так — садимся!

Быстро летят минуты последних проверок. Стрелка часов уже где-то около восьми. Все в порядке. Все закончено. Теперь, теперь самое последнее и по-человечески, пожалуй, са-самое трудное: надо прощаться и закрывать люк.

Мгновение — и тяжелая крышка поднята на руки. Протискиваюсь в кабину. Юрий улыбается, подмигивает. Обнимаю его, жму ему руку и, похлопав по шлему, отхожу чуть в сторону.

Мгновение — и крышка накинута на замки. Руки наши, словно автоматы, быстро навинчивают гайки замков. Тут же Володя Морозов специальным ключом начинает их подтягивать. На часы смотреть некогда. Секунды отстукиваются в висках только толчками крови. Есть последняя, 30-я! Как по команде облегченно вздыхаем и опускаем, расслабив, руки. Тревожный, настойчивый сигнал телефонного зуммера, голос взволнованный:

— Почему не докладываете? Как дела у вас?

— Сергей Павлович, тридцать секунд назад закончили установку крышки люка. Приступаем к проверке герметичности.

— Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?

— Нет, Сергей Павлович, все нормально…

— Вот в том-то и дело, что ненормально! Нет КП-3… — Я похолодел. КП-3 — это специальный контакт прижима крышки.

— Крышка установлена нормально.

— Что можете сделать для проверки контакта? Успеете снять и снова установить крышку?

— …Успеем, Сергей Павлович. Только передайте Юрию, что мы открываем люк.

— Все передадим. Спокойно делайте, не спешите!

Какое тут «не спешите!» Мы-то прекрасно понимали, что

времени почти совсем нет. Четыре человека слились воедино. Со стороны могло показаться, что это один организм о восьми руках и четырех стучащих сердцах… Не помню, кто и что делал. Казалось, все делается само.

Гайки сняты. Снята крышка люка. Юрий через зеркальце, пришитое к рукаву скафандра, следит за нами и насвистывает знакомый-знакомый мотив:

«Родина слышит, Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает…»

Все сделано. Прощаться с Юрием еще раз уже некогда, успеваю только махнуть ему рукой и поймать в зеркальце хитрющий взгляд. Крышка поставлена на замки. В телефоне голос Сергея Павловича:

— КП-3 в порядке! Приступайте к проверке герметичности.

— Есть!!!

Четыре пары глаз впились в стрелку вакуумметра. Не дрогнет ли! Не поползет ли по шкале? Нет! Стрелка неподвижна.

— Есть герметичность! — произносим вслух все четверо, а я в трубку телефона. Опять голос Сергея Павловича:

— Хорошо, вас понял. Заканчивайте ваши дела. Сейчас мы объявим тридцатиминутную готовность.

Собираем инструмент. Рука невольно тянется к шарику-кабине, хочется похлопать ее по круглому теплому боку. Там, внутри, Юрий. Как уйти, когда сердце тянется к нему — увидеть, поговорить…

— Внимание! Минутная готовность!

— Ключ на старт!

И как эхо — ответ оператора у пускового пульта:

— Есть ключ на старт!

Летят секунды, земные секунды.

— Зажигание!..

— Подъем!!!

Голос хронометриста: «Одна… две… три». Это секунды. Слышу голос Сергея Павловича:

— Желаю вам доброго полета!

И вдруг сквозь шорох помех и доносящийся еще снаружи обвальный грохот двигателей голос Юрия: «Поехали-и!»…

Ракета идет. Не может не идти. Казалось, что не миллионы лошадиных сил, а миллионы рук и сердец человеческих, дрожащих от чудовищного напряжения, выносят корабль. И «ВОСТОК» вышел на орбиту.

Срываемся со своих мест. Сидеть, стоять нет сил. Нет сил

выдерживать установленный порядок. И лица людей самые разные: веселые, суровые, сосредоточенные, несколько растерянные — самые разные. Но одно у всех — слезы на глазах. И у седовласых, и у юных. И никто не стесняется слез.

Пролетели какие-то совершенно ненормальные полтора часа. Наверное, нетрудно представить, что в это время творилось не только на космодроме, но и по всей нашей стране, от границы до границы. Да и не только в нашей стране. А за рубежом… И вот, наконец, последнее, такое жданное, такое нужное: «…В 10 часов 55 минут московского времени… поле колхоза «Ленинский путь»… близ деревни Смеловка… юго-западнее города Энгельса».

Кто-то подбегает. «Срочно собирайтесь, Сергей Павлович приказал через десять минут быть в машине. Выезжать на аэродром».

Собираться? Какое там! Схватив первые попавшие на глаза вещи, выбегаю на площадку. Быстро летят степные километры. Наш «газик» подпрыгивает на стыках бетонных плит, словно не может бежать со скоростью меньше ста.

Вот последний шлагбаум, поворот, и мы въезжаем на летное поле. «ИЛ» Сергея Павловича уже прогревает моторы. Взлет. В самолете творится что-то необычное. Пожалуй, это было наиболее странное во всем калейдоскопе событий последних суток. У Сергея Павловича, Мстислава Всеволодовича Келдыша, у других солиднейших ученых, академиков вид студентов-первокурсников, сдавших последний экзамен… Только что не в пляс.

Радостнейший, счастливейший день!

— Ну и молодец же, Юрий! — Сергей Павлович, до этого смеявшийся до слез по поводу какой-то фразы Мстислава Всеволодовича, вытирая платком глаза, сел в свое кресло. — Вот на днях подхожу я к нему, он спокойный, веселый, улыбается. Сияет, как солнышко. «Что ты улыбаешься?» — спрашиваю. «Не знаю, Сергей Павлович, наверное, человек такой несерьезный!» Я подумал, да-а… побольше бы нашей Земле таких «несерьезных».. А вот сегодня утром, когда он и Титов надевали свои доспехи, приехал я к ним, спрашиваю Юрия: «Как настроение?» А он отвечает: «Отличное! А как у вас?» Посмотрел на меня внимательно и улыбаться перестал. Наверное, хорош вид у меня был! И говорит: «Сергей Павлович, да вы не беспокойтесь, все будет хорошо!» Самому час до полета, а меня успокаивает!

Королев замолчал и, задумавшись, откинулся на спинку кресла. Закрыл обеими руками глаза, потер виски…

— А знаете, товарищи, ведь этот полет откроет новые невиданные горизонты в науке. Вот полетят еще наши «Во-стоки», Титов, Николаев, Попович… Славные ребята, должен вам сказать,

а ведь потом… потом надо думать о создании на орбите постоянной обитаемой станции, и, мне кажется, что в этом деле нельзя быть одинокими. Нужно международное сотрудничество ученых. Исследования, освоение космоса — это дело всех землян…

* * *

На моем столе в футляре бронзовая медаль. Профиль Сергея Павловича Королева, 60 пет. На ней отлиты его слова: «КОСМОНАВТИКА ИМЕЕТ БЕЗГРАНИЧНОЕ БУДУЩЕЕ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ БЕСПРЕДЕЛЬНЫ, КАК САМА ВСЕЛЕННАЯ!»

Прошло 20 лет с того дня, когда практической космонавтики не существовало на нашей планете, с тех лет, когда преодолевались первые ступени на пути в космос. И люди перестали удивляться и восхищаться. Можно не помнить дат и задач запуска, ну, скажем, «КОСМОСА-531», даже «ЛУНЫ-19» или «ВЕНЕРЫ-8».

Но нельзя забыть первых. Нельзя забыть тех людей, которые были первыми, которые создавали родник целого направления человеческого прогресса, превратившегося с годами в уверенно текущую полноводную реку. Я часто думаю об этом. Вот и сейчас, прежде, чем поставить последнюю точку в своих кратких воспоминаниях, я вновь и вновь мысленно прокручиваю в памяти свою жизнь. И думается, мне чертовски повезло и везет поныне на хороших людей, наставников и теперь уже на учеников, которым идти дальше нас.

Я счастлив, что судьба определила мне тот жизненный путь, по которому я шел и иду. Ступени судьбы. Начались они в том далеком, сороковом. На границе. Наверное, не ошибусь, если скажу, что граница для меня была первой ступенью жизненной школы. Все то, что дала она, что воспитала во мне, легло в фундамент дальнейших лет. И в годы войны, и в послевоенные годы.

Виктор МИТРОШЕНКОВ
В КОСМОС МЫ ШЛИ СТРЕМИТЕЛЬНО

Достижения в космосе не только опередили фантастов, предсказывавших полет человека в космос лишь в XXI веке, они выявили и новое поколение людей: беззаветно мужественных, широко образованных, ставших примером для современной молодежи…

К числу таких принадлежит дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР кандидат технических наук генерал-

лейтенант авиации Владимир Александрович Шаталов.

Владимир Александрович трижды побывал в космосе. Сейчас он руководит подготовкой советских космонавтов. Служебная деятельность генерала Шаталова не укладывается в рамки лишь должностной ответственности. Шаталов — руководитель, Шаталов — космонавт, Шаталов — общественный деятель.

Рабочий темп его необычайно высок: Байконур — Звездный — Москва — привычные маршруты недели.

В служебном кабинете, слева, на квадратном столике — созвездие телефонов, непрерывно, как в нестройном хоре, подающих голоса. На столе рабочая тетрадь с записями встреч, переговоров, бесед, расписанных по минутам, напряженный план — обязательный минимум дел.

Владимир Александрович выходит из-за стола, высокий, статный, приветливо улыбается:

— Журналисты настойчивы и последовательны, как космонавты, — говорит он. — Преодоление барьера недоступности напоминает некоторые ступени преодоления трудностей в космосе.

Генерал Шаталов не торопит беседу, он сосредоточенно слушает вопросы, смотрит в глаза собеседнику. То ли от напряжения, то ли от усталости у глаз его веерообразно сложились морщинки.

Читатели хотят знать все о космонавте Шаталове, об итогах последних полетов. Советских людей интересует жизнь и подготовка к полетам других космонавтов. Расширение программы «Интеркосмос», реализация решений XXV съезда КПСС. Наконец, советско-американские соглашения о совместных исследованиях в космосе.

— Для пограничников, — уточняет генерал Шаталов. Улыбается, наклоняется к столу, отодвигает папки в сторону. — С большой радостью отвечу на ваши вопросы. Прежде всего я хочу сказать, что с советскими пограничниками меня связывает большая и давняя дружба. Мне приходилось бывать на границе, видеть жизнь, боевую, напряженную, наших дозорных, и я проникся к ним глубоким уважением.

Неизгладимый след в моей памяти оставили встречи с пограничниками в Одессе, Бресте, Благовещенске, на Дальнем Востоке и в других местах.

К нам приходит много писем с пограничных застав. Вот одно из них: «Мы, пограничники Краснознаменной части, восхищены новым триумфом инженерно-технической мысли Страны Советов. С крыши мира — Советского Памира шлем наш пламенный пограничный, комсомольский привет инженерам и техникам,

осуществившим новый шаг в освоении космического пространства, верным сынам ленинской партии и советской страны — славным советским космонавтам.

Мы, комсомольцы-пограничники, заверяем Коммунистическую партию и Советское правительство, что будем и впредь честно и добросовестно выполнять свой воинский долг по охране границ Советского Союза».

Пограничники пишут отовсюду, пишут после каждого полета в космическое пространство. В своих письмах они подбадривают нас, дают дружеские советы, просят направить их в космос, приглашают на границу. Мы не можем не посетить погранзаставу, как никогда не отказываемся побывать у хлеборобов, наших замечательных тружеников полей…

— Наши пограничники постоянно находятся на передовой линии. Может быть, все, что я сейчас говорю, уже было сказано и не раз написано, но это мое впечатление, и если оно появляется у каждого, кто побывает на границе, значит, так оно и есть.

Пограничники ежедневно лицом к лицу встречаются с опасностью, с попытками нарушить нашу границу. Пограничники показались мне очень сильными, дружными, живущими по законам фронтовой жизни, всегда готовыми пресечь любую провокацию врага.

У пограничников хорошие боевые традиции. Брестская крепость-герой располагает уникальными экспонатами, подтверждающими беззаветную храбрость защитников границы.

Бросается в глаза такая деталь: жители пограничных сел и деревень хотят быть только пограничниками и готовы в любую минуту встать в их строй. Это является свидетельством огромного авторитета советских пограничников.

Впечатления от встреч с воинами-пограничниками настолько ярки, что генерал Шаталов рассказывает долго, обстоятельно, как можно говорить только об очень близких, надежных друзьях.

Незаметно наш разговор переходит на космические темы.

Генерал Шаталов говорит медленно, обдумывая каждое слово, давая возможность все записать, сформулировать новый вопрос.

О Владимире Александровиче Шаталове много писали. В числе сравнений есть такие: «…высокий, золоволосый, синеглазый… он чем-то напомнил Сергея Есенина…»

Один из журналистов о нем писал:

«О летчиках, да и о космонавтах тоже, уже много написано. Думается, что лучше других сказал о людях крылатой профессии писатель А. И. Куприн:

«Недоступные большинству людей ощущении страшной

высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота — все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства — зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь — ив ней остается чистое золото…»

Вот такая душа и у Владимира Шаталова.

Все лучшее он брал от людей, с которыми его сводила жизнь, учился у них. Не прошли бесследно для него годы учебы в Ленинградской школе, в Липецкой спецшколе ВВС, в Качинском авиационном училище летчиков, в академии имени Ю. А. Гагарина, служба в Одесском военном округе.

В 1957 году Советский Союз впервые в мире запустил в космос искусственный спутник Земли. Прошло около двадцати лет. Очень небольшой срок, но советская космическая наука достигла огромных успехов.

— Можно ли говорить о какой-то периодизации в освоении космического пространства?

— Чисто хронологически здесь деления нет. Есть поэтапные периоды. Об этой программе наша страна широко объявила.

В космос мы шли стремительно, но осторожно, планомерно. Помните, в 1959 году стартовала первая советская космическая ракета — искусственная планета «Мечта». Потом был перелет с Земли на Луну с вымпелом СССР и, наконец, триумф человеческой мысли — полет в космос Юрия Алексеевича Гагарина.

Американский публицист Альберт Кан тогда написал космонавтам.

«По национальности я американец. По роду — человек. Как американец, как человек, я всем сердцем ликую сегодня.

Отсюда, из нашего дома: из джеклондоновской Лунной долины, из Калифорнии, моя жена, три моих сына и я простираем руки через сушу и океан и обнимаем тебя, дорогой Юрий Алексеевич.

Спасибо всей твоей большой семье — изумительному советскому народу».

В те дни весь мир восторженно писал о нашей стране, наших трудовых достижениях. 12 апреля стало Днем космонавтики.

Говоря сегодня о наших космических достижениях, мы должны вспомнить Константина Эдуардовича Циолковского.

«Ракета не сразу вырывается на просторы Вселенной, — писал в книге «Земная трасса ракеты» журналист Лев Колодный. — Сначала срабатывает первая ступень, развивая большую скорость, затем — вторая, и многоступенчатая ракета летит к далекой цели. Так и космонавтика. Ее первая ступень — теория

Циолковского, вторая — энтузиазм учеников Константина Эдуардовича. Потом сработала мощная ступень— ГИРД — группа изучения ракетного движения, построившая первые советские ракеты, и ГДЛ — газодинамическая лаборатория, сконструировавшая первые совершенные отечественные двигатели на жидком топливе».

Не отрицая такого образного деления, я хотел бы напомнить о выдающемся полете летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи. 15 мая 1942 года он на самолете БИ-1 конструкции В. Ф. Болховитинова, с жидкостным ракетным двигателем, совершил первый полет в СССР.

— Владимир Александрович, всегда ли полет в космос сопряжен с опасностью?

— Здесь нельзя говорить утвердительно. Когда-то поезд называли Змеем Горынычем, и люди боялись ездить «по-железке». Все это давно прошло. Сейчас люди не хотят ездить, а хотят летать. Наш век — век больших скоростей. Настанет время, когда люди отдадут предпочтение космическому транспорту. Но всякое новое дело потому и трудно, что непознано. Не следует закрывать глаза на опасность.

Все новое — открытие, покорение, штурм — было трудным.

Природа неукротима, она всегда предъявляет суровый счет первопроходцам.

— Владимир Александрович, всех интересуют будущие полеты. Какие они будут?

— Подготовка к полету и его осуществление — всегда влекут за собой много неизведанного, много непознанного. И заранее предрешать что-либо не стоит.

Все наши космонавты упорно и много работают, готовятся к новым полетам.

Хорошо известно, что большое значение в изучении небесных тел солнечной системы наша страна придает автоматическим аппаратам. Автоматические исследователи прокладывали и будут прокладывать путь людям, хотя, конечно, и не в силах во всем заменить человека. Пилотируемые полеты — лишь часть нашей космической программы. На сегодняшнем этапе нам предстоит изучить околоземное пространство. Космических кораблей строят сейчас немало. Да и в космос теперь летают не по одному кораблю. Думаю, что по-прежнему главным объектом космических исследований останется Земля.

Околоземной космос должен раскрыться, дать нам более глубокие знания — информационные, гносеологические, хозяйственные, научить управлять природой. Мы первыми начали глубокое исследование околоземного пространства, и, уверен, что

очень скоро на этих орбитах будут работать транспортные космические корабли, комплексные орбитальные станции длительного существования, на которых будут созданы превосходные условия для целого научного коллектива.

В этих космических лабораториях будут проводиться исследования земной поверхности, ее атмосферы, небесных тел. Орбитальные станции должны стать цехами для производства новых материалов, создание которых в земных условиях невозможно. Кстати, подобный технический эксперимент проводился на борту системы «Союз-Аполлон».

— Какими станут орбитальные станции в будущем? Многоцелевыми, как нынешняя станция «Салют-5», или узкоспециализированными?

— Думаю, что право на жизнь будут иметь и те и другие. На многоцелевых будут решаться комплексные и методические задачи, а на специализированных проводиться детальные, углубленные исследования или наблюдения. Станции будут функционировать, возможно, по нескольку лет.

Мы живем в эпоху, когда человек оторвался от Земли и получил возможность непосредственного исследования планет. Когда-нибудь люди достигнут других планет и, возможно, других миров. И ответы на важнейшие вопросы: есть ли там жизнь, не занимает ли человек в этом смысле исключительного положения, происходят ли во Вселенной неизвестные нам процессы превращения энергии и массы; превращения, которые могут быть использованы для блага человека — лежат на путях освоения космического пространства.

Совместный полет космических кораблей «Союз» и «Аполлон», выполненный в июле 1975 года советскими и американскими космоплавателями называют полетом века. Разработка и практическая проверка в полете оборудования, обеспечивающего поиск, сближение и особенно стыковку аппаратов, переход экипажей из корабля в корабль, открывают реальные перспективы надежной взаимопомощи космонавтов различных стран, если какой-то экипаж попадет в беду.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев поздравил космонавтов с выдающимся событием. В его приветствии говорилось:

«Со времени запуска первого искусственного спутника Земли и первого полета человека в космическое пространство космос стал ареной международного сотрудничества».

Можно с уверенностью сказать, что существующие технические возможности вполне достаточны для создания постоянной базы на Луне или осуществления полета человека на

Марс… Международная кооперация в космических исследованиях очень важна.

— В печати появились термины «практическая космонавтика», «прикладная космонавтика». Имеют ли они под собой реальную почву?

— Космонавтика — это еще поиск науки. Реальные, практические результаты еще не так велики в сравнении с тем, что она может дать. Только от спутниковой метеорологии американцы насчитывают прибыль в несколько десятков миллиардов долларов.

По данным специалистов, мы имеем многие миллионы рублей экономии благодаря использованию метеорологических спутников. Из космоса уже сегодня ведется разведка полезных ископаемых, освоение водной акватории, предотвращение эрозии почвы. Космонавтика значительно увеличила и поступление новой научной, информации. Так, за 10 дней работы на орбите одного лишь геофизического спутника было получено такое количество информации о магнитном поле Земли, какое в обычных условиях можно было получить за 10 лет.

В космосе, в условиях невесомости, могут быть собраны приборы и аппараты гигантских размеров. Максимальный диаметр зеркала на Земле — шесть метров, дальше оно прогибается из-за собственной тяжести. Представляете, каких размеров телескопы могут быть установлены на орбитальных станциях?

А влияние на климат? Многими учеными обсуждается вопрос о возможности создания на орбите гигантского отражателя — своего рода искусственного Солнца.

Благодаря космонавтике мы можем вести прямой прием в любой точке Земли по телевизионному каналу, телефонные переговоры со всеми городами и населенными пунктами Земли без коммутаторных станций. Служба наблюдения и предупреждения стихийных бедствий, служба навигации, картографии любого участка планеты — все это нам дает космическое землеведение.

Некоторые ученые думают о создании в космосе атомных электростанций, о добыче наиболее ценного сырья на планетах.

Информация, получаемая со спутников и пилотируемых аппаратов, помогла вести поиск новых водных ресурсов, фиксировать изменения, связанные с осуществлением работ по мелиорации и сооружением ирригационных комплексов, водохранилищ и электростанций, намечать меры, чтобы такие работы не вызывали нежелательных последствий.

Снимки из космоса позволяли геологам выбирать районы,

представляющие интерес для детального обследования наземными экспедициями, а информация о температуре воды в Мировом океане, получаемая с помощью инфракрасного зондирования, о концентрации в каких-то его районах планктона, рыбных косяков весьма ценна для рыболовного флота.

Исследования космического пространства и особенно полеты человека в космос оказали принципиальное влияние на развитие науки, техники, производства, образования и общественного сознания человечества. Они послужили мощным стимулом к прогрессу целого ряда областей науки и техники: электроники, вычислительной техники, кибернетики, телеуправления, газовой динамики, магнитной гидродинамики, прикладной математики и др. Происходит все более тесное переплетение различных отраслей знания; на стыке их рождаются новые научные направления.

Наблюдается тенденция космизации современной науки, так или иначе сказывающаяся на развитии мировоззрения и эволюции стиля мышления эпохи. На основе космических исследований в дальнейшем будут происходить теоретические переосмысления и переоценка традиционных представлений. К. Э. Циолковский в своих трудах стремился увидеть близкое и далекое космонавтики.

«…В поисках света и пространства, — писал он, — люди отправятся за пределы Солнечной системы, достигнут иных Солнц и воспользуются их свежей энергией взамен своего угасающего светила. Люди также воспользуются и материалом планет и астероидов, чтобы строить там свои внеземные сооружения. В случае охлаждения Земли люди будущего, спасая свою колыбель, отбуксируют родную планету на другую орбиту — поближе к Солнцу или же силой реактивных двигателей переведут ее в другую Галактику». Логическим завершением освоения космоса К. Э. Циолковский считал возможность бесконечного развития бессмертия человеческого рода. Великий гуманист, оптимистически видевший будущее, выдвигал при этом одно непременное условие, необходимое для осуществления грандиозных планов: космос должен быть ареной мира, местом содружества людей.

— Владимир Александрович, в одном из своих выступлений вы говорили о международном сотрудничестве в космосе как магистральном пути развития космонавтики.

— В ноябре 1965 года на совещании в Москве были заложены основы будущей программы международного сотрудничества в освоении космоса «Интеркосмос».

В этой работе вместе с советскими учеными принимают

участие специалисты Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Монголии и Кубы.

Все программы «Интеркосмос» успешно реализуются.

Только за 1975 год запущено 16 спутников, 4 геофизические ракеты и несколько десятков метеоракет. Аппаратура, установленная на этих объектах, разработана и изготовлена научными и промышленными организациями братских стран.

В ноябре 1975 года социалистические страны создали единую систему космической связи «Интерспутник».

Естественно, что программа международного космического исследования расширяется, приобретает все более углубленный и планомерный характер.

В сентябре 1976 года экипажем «Союз-22» были проведены испытания многозональной оптической аппаратуры, изготовленной на предприятиях ГДР.

Сейчас мы подошли к комплектованию интернационального экипажа. Социалистические страны заключили соглашения о совместных мероприятиях по подготовке и выведению экипажей на орбиты.

Уже решены многие важные проблемы: согласован порядок отбора, программа и сроки подготовки. В нашу страну уже прибыли первые представители дружественных стран. Обучение космонавтов будет осуществляться в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Отобранные кандидаты, граждане социалистических стран, обладают превосходным здоровьем, хорошо подготовлены в научно-техническом отношении.

Недавно в Польской Народной Республике создан Центр космических исследований, на который возложены задачи по реализации программы «Интеркосмос».

* * *

Биография космонавта Шаталова привлекает журналистов. Стремительный служебный взлет не случаен. В 1963 году принят в отряд космонавтов. В 1971 году он становится руководителем подготовки советских космонавтов, трижды побывал в трудных испытательных полетах в космосе. Ничто ему не достается легко. Труд, повседневный, упорный, целеустремленный наполняет его жизнь, придает уверенность в раскрытии тайн космоса.

Облеченный доверием партии и правительства, он целиком отдает себя делу, название которому волнующее и вдохновенное — космические исследования.

Юрий ДОКУЧАЕВ
ГОТОВЫ. ИДЕМ!

Год 1962. В космосе побывали первые советские космонавты Юрий Гагарин, Герман Титов. Готовились новые старты. Первый разговор с глазу на глаз с дублером Павла Поповича — Борисом Волыновым.

— Расскажи, Борис, о себе. О родителях, о семье, как стал летчиком?

— Родился в 1934 году. Жил и учился в шахтерском городе Прокопьевске. Моя мать — врач. Еще в школе серьезно задумал стать летчиком. Много занимался спортом. Люблю гимнастику. Поступил в авиационную школу, затем окончил авиационное училище. Вот и все.

Честно говоря, в ту минуту я даже растерялся.

Еще два, три вопроса, таких же «деловых» ответа, и нам не о чем будет говорить. И никто не будет знать, как и где рос этот широкоплечий, сильный парень, почему у него такой прямой, светлый взгляд, что за люди его окружали, воспитывали и приучили смотреть вот так открыто на людей, на жизнь.

— Удивительно, — недовольно заметил я, — как это все просто получилось. А жизнь? Ну самая обыкновенная? Неужели не было трудностей, раздумий. Все шло гладко?

— Что вы? — откликнулся он. — Всего понемножку было. Я просто не думал, что вас это заинтересует.

А потом были встречи. Разговоры по душам. И вставал передо мной Борис Волынов: искренний, не любящий показухи; в нем душевная и физическая сила; он человек определенного, очень ясного, партийного взгляда на вещи; его никогда не покидает самообладание и присутствие духа.

Вон сколько сразу эпитетов! Придется о многом рассказать и многое объяснить. Но теперь я уже не один. Нас двое с Борисом Волыновым. Вместе легче.

Тайга. Восемнадцать километров туда, восемнадцать обратно.

Над мальчишками из Прокопьевска и по сей день властвует нестерпимое желание побродить по тайге, насквозь пропитанной запахом смолы, поваляться на мху, наблюдая, как сквозь сомкнутые кроны таежных великанов солнечные лучи режут наискосок таинственный полумрак; прислушаться, как на все лады, звенит и поет тайга.

А еще: строго блюсти долг, ясный как присяга. Одному не ходить, не оставлять друга в беде: заблудится ли он или начнет захлебываться в ледяной круговерти реки.

Еще с тех лет, путешествуя в компании своих сверстников по тайге, он по-настоящему полюбил свой край. Откровенно и не без гордости считает себя сибиряком. И если вспоминает о детстве, юности, то всегда тайгу. И, конечно, маму.

Мать. Она сделала все, чтобы Борис как можно меньше чувствовал отсутствие отца. Может быть, потому, что ее собственное детство, ее молодость сложились нелегко.

«Сделать все» — значит быть уважаемой людьми, независимой в жизни, авторитетом в глазах детей. Мудро, но не просто. Когда Боре исполнилось шесть месяцев в 1934 году, она поступила в Иркутский медицинский институт. В Прокопьевск вместе с сыном Евгения Волынова переехала уже врачом-педиатром. Хотя институт был уже позади, она постоянно училась. В маленьком тогда городе не было травматологов, и она стала травматологом. А началась война, взяла в руки хирургический инструмент. Теперь заслуженного врача республики знают не только в Прокопьевске.

Но вернемся к детству. Зимой Борис и его друзья любили носиться по склонам оврагов на лыжах. Каждый день мать с тревогой ждала сына. Но еще большее волнение охватило ее, когда однажды она поняла, что сын настойчиво и обстоятельно, — как все, что он делал, — стал готовить себя к профессии летчика. Она-то знала, с чем это сопряжено. В госпитале во время войны и в первые годы после нее хирургу довелось оперировать летчиков с тяжелыми ранениями и ожогами. «Я не собираюсь тебя пугать, — сказала она, когда сын забежал к ней на работу, — но я хочу, чтобы ты знал, как это страшно». Но эффект был обратный тому, на который рассчитывала мать: Борис утвердился в мысли, что летчик— это профессия действительно смелых людей.

Окончив десять классов, он ждал нужных рекомендаций в авиаучилище.

А с матерью был трудный разговор, тем более трудный, что мать впервые плакала на глазах у сына.

«А что, если я пойду в райком и скажу, что я против?» — размышляла она вслух. «Что же, выслушают. — отозвался Борис. — Ты же уважаемый в городе человек. Но я знаю, что ты не пойдешь».

Она не пошла.

— Когда, казалось, я настоял на своем, вдруг, как снег на голову, новая трудность. На этот раз Тамара. Моя невеста, с которой вместе учились, вместе занимались гимнастикой, вместе носились на лыжах по склонам оврагов. Тамара была не со мной.

В запальчивости она сказала мне что-то похожее на то, что если я не послушаюсь, не передумаю и сделаю ей и маме наперекор, она никогда не выйдет за меня замуж.

Это был запрещенный прием. Долго я убеждал ее в том, что так нельзя строить отношений, тем более, когда мы только начинаем жить. По-моему, уговорил, и на всю жизнь.

— Как я догадываюсь, тебе удалось сохранить хорошие

отношения с невестой?

— Да, если учесть, что она моя жена.

— Я слышал, что она инженер-металлург?

— Если говорить откровенно, Тамара необыкновенный человек. Не подумайте, что я собираюсь расхваливать свою жену. Просто всегда удивляюсь ее бьющему через край оптимизму, ее работоспособности.

С первых дней курсантской жизни Борис понял, что если он и станет летчиком, то будет это нескоро. И строевая подготовка, и караульная служба, и дежурства на кухне… несколько месяцев он даже самолетов вблизи не видел.

В письмах к матери, к Тамаре он пытался не показывать томившей его неуверенности. Да что там неуверенность, просто огорчения. «Самое главное не потерять внутренней убежденности в том, что ты станешь тем, кем хотел быть. Главное выдержка». — думал Борис. И все чаще в сознании появлялось слово «работа» — любимое словечко Тамары.

Девчушка была на год моложе Бориса, детство выдалось у нее нелегкое. Отец скончался в госпитале от тяжелого ранения. Мать, оставшись с тремя детьми, пошла работать. Тамара разделяла со старшим заботу о младшем брате, о доме. Беды, казалось, не влияли на задорный, жизнерадостный характер Тамары… Она успевала и в школе, и в спорте, и дома. Окончив школу с золотой медалью, она выбрала трудный для женщины металлургический институт. Получала повышенную государственную стипендию и часть ее отсылала домой — в помощь маме.

«Я иду к тебе, Борька!» — читал Борис между строк ее писем, вспоминая свою Тамарку, ее заразительный смех. Вспоминал он и дни, проведенные вместе, прогулки по оврагам, где водила их любовь. Вспоминал и ужасался. Как только не свернули они себе шею? В одном из писем как бы невзначай она писала ему: «..Недавно услышала очень хорошую фразу: «Если быть, так быть лучшим». Эти слова, кажется, принадлежат Валерию Чкалову. Здорово сказано! Правда?..»

«Хорошо, — подумал Борис, — я принимаю твой вызов. Я иду к тебе навстречу, Тамара».

Нелегко подсчитать, сколько Волынов — будущий летчик-истребитель — прошагал в строю, сколько вырыл метров окопов, сколько тонн начистил картошки и сколько недель простоял в ночных караулах, причем стараясь быть везде лучшим, пока сел в кабину самолета.

Инструктор Григорий Шилов не только учил летать, но и входил во все житейские заботы, помогал, советовал, забывая

часто о своих личных делах. Он хорошо знал каждого и доверял ребятам, как собственным сыновьям. И прозвали его молодые, неоперившиеся еще летчики, емким словом: отец.

Первый раз взлетев самостоятельно, Борис вернулся на аэродром с неясным чувством: ни радости, ни наслаждения. Может быть слишком увлекся точным выполнением инструкций.

А вот второй полет… «Нужно почувствовать машину, нужно понять, что происходит», — говорил себе Борис, забираясь в кабину. Где-то там, в зоне Борис расслабился, заставил себя на мгновенье отпустить ручку управления. Самолет стал задирать нос. Борис выдержал. Не трогая руля, он поставил машину в горизонтальный полет. И тогда испытал всепоглощающую слитность с самолетом, трудно описуемое чувство единства аэродинамических качеств машины и собственной нервной системы. Такое ощущение делает человека летчиком — и на всю жизнь. Следующий инструктор Вениамин Решетов был не намного старше своего ученика. Но молодость его была обогащена немалым опытом. Один из самых смелых и хладнокровных истребителей части, он научил Бориса любить небо. Бывший фронтовик, майор Иванов сделал из Бориса бойца. Когда кончался воздушный «бой», и Борис пристраивался к крылу командира, он видел на обгоревшем, в рубцах и шрамах лице аса дорогую ему улыбку. Однажды ободренный этой улыбкой он написал Тамаре: «Вот теперь, Тамарка, имею право сказать тебе: очень скучаю и жду».

Год 1958. Она привезла из Сибири на берег Волги легкомысленный чемодан с вещичками, очень серьезный диплом инженера-металлурга и главное — нескрываемую любовь. Рядом с аэродромом, где служил Борис, отдельную квартиру было не сыскать. Но молодые устроились. До сих пор они вспоминают месяцы, проведенные в крошечной мансарде.

Молодые летчики эскадрильи выбрали Бориса своим комсомольским вожаком и рекомендовали его кандидатом в члены партии. В день Победы 9 мая Волыновы отпраздновали свадьбу. Тамара пошла работать на местный завод. Ей предложили место в заводоуправлении. Она отказалась и настояла на кузнечном цехе. Работала сменным мастером. Трудно инженеру завоевать авторитет, если инженер в юбке и ему на вид не дашь и двадцати. А Тамара его завоевала.

Настало время, когда по дороге с полетов домой, Борис забегал на почту и мучил служащих одним и тем же вопросом: «Есть телеграмма?»

Тамара уехала в Прокопьевск к мамам. Ожидание мешало Борису думать, отдыхать, жить.

Телеграмма пришла перед полетами. «Поздравляем с сыном, Андрюшкой». В тот день дежурный по аэродрому хотел было поднять тревогу, самолет Волынова выделывал такие фигуры, каких не было ни в одном описании воздушного боя.

Вернулась Тамара. Андрюша был оставлен подрастать под наблюдением бабушек.

В конце каждой смены на стальных ложементах укладывались поковки, прошедшие термическую обработку. Мастер, пересчитывая, сокрушалась: «Почти столько же, сколько вчера»… По вечерам в мансарде долго не гас свет. Не давали спать думы о цехе, и тревоги за мужа: все чаще Борис уходил в ночные полеты.

Часами прислушивалась она к вою турбин, пытаясь уловить звук «своей» турбины. Это было безнадежным занятием. Но все равно прислушивалась, пока под утро не раздавался скрип ступенек.

Из месяца в месяц крепче становилась закалка и летчика Бориса Волынова. На календаре стояла еще цифра 1958, а Бориса ждало еще одно волнующее событие.

Очень скуп военный язык. Когда появляется в аттестации новое прилагательное, оно бросается в глаза: «Летчик Волынов обладает незаурядными летными данными». Незаурядный летчик — значит один из лучших.

Об этом писал в своей партийной рекомендации майор Иванов. Когда истребители один за другим садились на посадочной полосе, летчики знали — будет партийное собрание. Прямо на траве разместился президиум. Положив планшет на колени, секретарь писал протокол. В нем к концу собрания было сказано: «Борис Волынов принят в ряды Коммунистической партии единогласно».

В жизни летчика-истребителя могут быть разные и порой непредвиденные обстоятельства, когда даже друзья по работе, покачав головой, откровенно скажут: «Ну и самообладание у этого парня! Просто феноменальное!» Было и такое у Бориса и буквально так сказали о нем его друзья летчики. Казалось, вот-вот произойдет взрыв. Нужна была выдержка, мужество, и Борис вышел победителем в этом маленьком сражении, где на весы была поставлена его жизнь и жизнь его самолета.

Год 1966. Канун пятилетия со дня полета первого космонавта земли Юрия Гагарина. В космосе уже побывали, вслед за двумя первыми космонавтами, и Андриян Николаев, и Павел Попович, Валентина Терешкова и Валерий Быковский, которого тоже дублировал Борис; и Владимир Комаров с Константином Феоктистовым и Борисом Егоровым; впервые в мире вышел в открытый космос Алексей Леонов из космического корабля

«Восход-2», пилотируемого Павлом Беляевым.

— Вспомни первые дни отряда, советских космонавтов, первые тренировки…

— В авиационной части, где летал, видимо, был не на плохом счету, и когда приехавшая к нам комиссия стала отбирать молодых летчиков для новой работы, я сразу дал согласие. Но согласия моего было ох как мало. Помучила суровая медицинская комиссия. Помогло здоровье, занятия спортом и большое желание во что бы то ни стало пройти все рубежи. Увлекала перспектива, тогда еще не совсем ясная, но достаточно соблазнительная. Речь шла о полетах на новой технике.

Тогда я познакомился с Юрием Гагариным, Германом Титовым, Андрияном Николаевым, Павлом Поповичем, словом с ветеранами советской космической школы. Все летчики — ребята молодые, смелые. Понял — попал куда следует.

Первые занятия теорией увлекли. Спортивная подготовка, прыжки с парашютом — дело куда более привычное. Тренировались мы упорно, настойчиво, даже рьяно.

А Тамара ждала. Она знала, что ее муж — человек открытый. Если бы мог, он бы все рассказал. А он молчит. Уехал и просил ждать. Значит, так нужно. Значит, так должно. И она ждала.

Будни космонавтов. Казалось, ничем не удивить собравшихся здесь летчиков. Пожалуй, только сурдокамера вызывала некоторую неуверенность. Рев, свист, грохот — дело привычное, а тут — тишина! «Ну что же, попробуем», — сказал Валерий Быковский и первым вошел в камеру тишины. Захлопнулся люк.

Вслед за Валерием вошел в сурдокамеру Борис Волынов. Это была не просто отсидка в кромешной тишине. Это была напряженная работа с приборами, это были многочисленные испытания на внимание, реакцию, и неожиданно наступала абсолютная тишина.

Когда Борис начал испытание, на дворе была еще зима. А когда люк открыли, и он увидел лица друзей, Борис на секунду замер на месте. «Ну выходи, выходи смелее», — подбадривали его собравшиеся. «Подождите! Что же это такое?» Борис еще раз глубоко вздохнул и тут вспомнил. Конечно, черемуха, запах черемухи. Туда, в сурдокамеру, не доходили ни звуки, ни этот опьяняющий запах. Кругом бушевала ранняя весна. Первая весна школы космонавтов.

Появились первые листочки, первые цветы. Приехала Тамара с Андрюшей.

Она вошла в их новую квартиру. Заглянула на кухню, в

ванную, осмотрела обе комнаты. Борис молчал.

— А кто будут наши соседи?

— Соседей не будет. Кстати, сегодня у нас будут гости, мои друзья. Я хочу познакомить тебя с ними и отпраздновать новоселье.

— Это невозможно! — всплеснула руками Тамара. — У нас нет даже стола.

— Не беспокойся, дорогая. Видишь эти ковровые дорожки? Это моя первая покупка. Будем сидеть на них.

— Это же позор! Что о нас подумают?

— Плохо ты знаешь моих друзей. Для них главное — дружба и хорошее настроение.

Все произошло так, как предсказывал Борис. Ни один хорошо сервированный прием не проходил с таким подъемом и весельем. А организатором «приема», тамадой был симпатичный, улыбчивый летчик — Юрий Гагарин.

Вскоре Тамара узнала, какая работа предстоит её мужу. «Ну что же, все должно быть по-прежнему», — решила она и перевелась на соседний завод. Не близкая дорога от дома. Но зато у обоих работа по душе.

Космонавт — тоже специальность. Поначалу многим может быть казалось, что это экспериментальные полеты, а космонавты — звание эпизодическое. Борис Волынов знал, что это уже профессия. Он был готов к взлету все эти годы, но умел ждать свое время и свой корабль. Только в веселых воспоминаниях остался банкет на ковровых дорожках.

Уют приводит порой к самоуспокоенности. Человек может потерять упругость души и тела. С кем угодно может произойти такое, только не с Борисом. Потому что раз и навсегда его неизменным кредо стала Работа.

Год 1968. Побережье Балтики. Уже третий раз Борис Волынов назначен дублером. Теперь вторым дублером Георгия Берегового для готовящегося полета космического корабля «Союз-3».

Летом предоставили всем отпуска. Космонавты разъехались, кто куда. Я поспешил в Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Договорились с Борисом Волыновым увидеться там. Он задержался, оформлял документы на себя и Тамару.

По дороге я заехал на одну из пограничных застав, которой тогда командовал капитан Репнин. Встретился с пограничниками. По их просьбе рассказывал о космонавтах. Не называя фамилии, рассказал и о Борисе, о том, что каждый день, не пропуская ни одной из 365 утренних зарядок, выходит вот уже несколько лет этот человек рано утром, о том, что в тесном графике тренировок,

полетов, испытаний, лабораторной и теоретической подготовки трудно найти часы для самостоятельных занятий и отдыха. Но он еще ухитряется заниматься в Академии. И каждый день он готовится к своему полету, будто этот полет объявлен на следующий день. Такая настойчивость, такая выдержка украсит любого. В чем-то служба пограничника схожа с той службой, которую несет этот космонавт. Я сказал служба, и я не оговорился.

«Передайте от личного состава нашей заставы большой привет и пожелания счастливой службы этому космонавту», — сказал начальник заставы.

И я передал Волынову через три дня привет пограничников. Мы шли вдоль другого участка границы, любуясь морем, вдыхая запах сосен и йодистый запах моря.

— Скажи, Борис, ты волнуешься? Ведь предстоит полет, где ты вновь дублер?

— В принципе да, а в частности нет. Такие опытные ребята, как Береговой и Шаталов, его первый дублер, без меня справятся, но я готовлюсь с полной отдачей, как всегда. Волнуюсь за другое: как бы случайно не сломать ногу, не схватить лихорадку, не разбиться на машине и таким образом не подвести друзей. Я знаю, что с затянувшимся дублерством на меня могут делать не малую ставку. Так что подвести я никого не могу.

А вот насчет пограничников ты мне вовремя напомнил. У пограничников служба не из легких, но почетная. А к тому же, — Борис улыбнулся, — мы первые «нарушители» границы. Сколько раз во время полета космический корабль пересекает наши границы! Слетаю в космос, обязательно побываю у пограничников.

Забегая вперед, я скажу, что после полета на орбитальной станции «Салют-5» Борис Волынов побывал в гостях у пограничников на заставах имени Героев Советского Союза Ивана Стрельникова и Демократа Леонова в составе делегации ЦК ВЛКСМ.

Я видел у космонавта зеленую фуражку — подарок пограничников заставы имени Героя Советского Союза И. И. Стрельникова. Он гордится ею.

Позади уникальный январский полет космических кораблей «Союз-4», командиром которого был Владимир Шаталов, и «Союз-5», командиром которого был Борис Волынов, бортинженером Алексей Елисеев и инженером-исследователем Евгений Хрунов. Это было в 1969 году.

Вся четверка дождалась своего звездного часа.

Космонавты вспоминают до сих пор, как их захватило ни с чем не сравнимое чувство — космический полет и тем более с такой динамической программой, которая выпала на долю двух экипажей. Владимиру Шаталову и Борису Волынову посчастливилось осуществить интересную задачу — состыковать «Союзы». «Когда в космосе в нашем поле зрения появился корабль Шаталова, — рассказывал летчик-космонавт Герой Советского Союза Евгений Хрунов, — наше волнение было трудно описать. С этой секунды, особенно наши командиры, старались работать точно.

Каждые хорошо продуманные отработанные маневры сближавшихся кораблей, естественно, вызывали помимо воли наши одобрительные реплики. Нас поддерживала и одобряла Земля, следившая за нашей работой по телевизионным установкам, смонтированным на наших кораблях».

Корабли управлялись безукоризненно. Сближение, причаливание, захват, наконец, сама стыковка с помощью стыковочных узлов прошли четко, пожалуй, блестяще. Так была образована первая в мире экспериментальная космическая лаборатория — первый прототип нынешних научно-исследовательских станций типа «Салют».

И перед тем как продолжить дальнейшую научную работу и эксперименты, Волынов помог своему экипажу надеть скафандры и перейти благополучно в корабль Шаталова. Они втроем приземлились в корабле «Союз-4».

Пожалуй, единственное, что «омрачало» его полет, это то, что поднимался в космос Волынов с экипажем. А спускался один-одинешенек. Но так было запланировано, никуда не денешься. Зато Шаталов нашел в космосе двух своих друзей.

Год 1969. Вновь после только что закончившегося полета «Союзов 4 и 5» мы встретились и невольно заговорили о Гагарине. О том, как рад был бы Юрий, увидев «Союзы» в деле. Борис рассказал о посещении перед полетом кабинета Владимира Ильича в Кремле.

— Не помнишь ли, кто и когда начал эту традицию?

— По-моему, все тот же Юрий Гагарин. У нас у всех эта традиция связана с ощущением последних минут, проведенных в столице. Когда выходишь из кабинета Владимира Ильича, мысли уже перестраиваются на рабочий лад. Ведь впереди только одна дорога — на космодром.

Я в ту минуту невольно подумал, а сколько людей пятьдесят лет назад выходили из этого кабинета, получив от Ленина задание. Кто уезжал на фронт, кто за хлебом в далекие губернии

для того, чтобы спасти голодающих детей, женщин и стариков. И мы отправляемся на космодром, чтобы выполнить его же задание. Лететь в космос.

Юрий Гагарин начал эту прекрасную традицию. Он был необычайный человек. Внутреннее чутье, искренность поступков, глубокая внутренняя убежденность в правоте того, что он делал, выделяли его.

Он привел нас к Ленину. Не приказывал, не выступал, сам привел в тот день перед отлетом на космодром.

И верно, перед отъездом из Москвы на космодром они со своим дублером Германом Титовым гуляли по Москве. Юрий пришел на Красную площадь, подошел к Мавзолею Владимира Ильича. Молча постоял. Потом весь как-то собрался и, взяв под козырек, простоял так, не шелохнувшись несколько секунд. И сделал все это естественно, без парадности, как все, что делал Гагарин. Он пришел проститься с вождем перед тем, как выполнить величайшее задание партии, Родины. И своим жестом он будто сказал: «Готов. Иду!».

Год 1976

— Я понимаю, почему ты обратился именно ко мне с просьбой рассказать о Виталии Жолобове, — сказал летчик-космонавт Герой Советского Союза Герман Титов.

— Вспоминаю годы дружбы с Виталием по-доброму и с удовольствием. Думаю, все, что есть в Жолобове лучшего, умного, я бы сказал талантливого, это от корней, от родителей.

Когда я познакомился с родителями Виталия, понял, как он похож на отца, мать. От матери у него сердечность. От отца спокойствие. В глазах и улыбке отца — доброта, мягкость, и что больше всего мне нравится — юмор. Виталий — копия отца. Я не знаю другого человека, умеющего с таким тактом, не зло, образно обезоружить разгорячившегося, остановить зарвавшегося спорщика.

Много Виталию дала и студенческая среда Азербайджанского института нефти и химии, где он окончил отделение автоматики и телемеханики.

— А служба в Советской Армии, где он работал инженером-испытателем?

— Несомненно, все это не прошло для Виталия незаметно. В институте он познакомился с теперешней женой Лилей. В семье два инженера. Семья дружная, хлебосольная. Армейская служба помогла приобрести практический опыт и заложить глубокий инженерный фундамент.

И вот что мне нравится в Жолобове — его удивительная особенность всегда правильно оценивать реальную обстановку.

— Слышал я, что предки его были мореходами. Может быть, спокойствие, трезвая оценка явлений, от них?

— Я ведь говорил о глубоких корнях Жолобова. Отец, кстати, тоже капитан. Сидит морская жилка и в Виталии. До полета видел, как он По собственному эскизу стал резать по дереву каравеллу. Получается.

Вообще у него прекрасный художественный вкус. Дома в редкие свободные минуты он сделал искусную стенку из тонких стволов берез.

Но главное, товарищ он отменный. Дружно работали они с Борисом в космосе. Дружно и плодотворно. Думаю, советскую космонавтику еще не раз прославит имя коммуниста Виталия Жолобова. Очень уж он дельный, умный и специалист и человек.

И вот еще два штриха к портретам Волынова и Жолобова. Виталий Жолобов сказал:

«Я никогда — ни в детстве, ни в юности, ни потом, после окончания института, — не мечтал стать летчиком, но знал, что небо бесконечно, как будущее…»

В дневнике Волынова есть такие строчки:

«Почему мы стремимся в Космос? В авиацию нас привело неудержимое желание летать, штурмовать скорости и высоты пятого океана. Если ты летчик, то небо и полеты для тебя главное, если хотите, вся жизнь. Небо… Оно бесконечно. На него нельзя смотреть как на потолок планетария. Настоящий летчик все воспринимает гораздо глубже и тоньше…

..Все мы немного романтики, влюбленные в летное дело и небо, стремящиеся увидеть в труде поэзию жизни, ее смысл. Каждый из нас может припомнить свои промахи и горькие неудачи. Но если ты по-настоящему полюбил небо, то не отступал перед трудностями, шагал напрямую, а если и падал, то поднимался и снова шагал. А не мог шагать сам, опирался на руку товарищей и всеми силами, всей волей стремился в небо…

Те, кто собрался в нашей группе, пройдя через все преграды многочисленных отборочных комиссий, решили посвятить свою жизнь освоению Космоса, стать «человеком, штурмующим черное небо». Нет, не ради простого любопытства. И, честное слово, ни у одного из моих друзей — я-то их хорошо знаю — даже в самых отдаленных уголках души не таится жажда легкой жизни, стремление к славе. Таких людей Космос к себе не подпускает…»

Предстартовые часы космодрома Байконур.

На заключительной встрече журналистов с экипажем космического корабля «Союз-21» Борис Волынов так

охарактеризовал главную задачу предстоящего рейса:

— Все мы с огромным вниманием следили за работой XXV съезда Коммунистической партии. Его решения окрыляют нас. Они предусматривают дальнейшее исследование космического пространства в интересах народного хозяйства и науки. В этом мы видим свою задачу…

Руководителя подготовки советских космонавтов генерал-лейтенанта В. А. Шаталова спросили:

— Что Вы можете сказать о работе в космосе и о своих товарищах спустя годы?

— Космонавтика развивается стремительно, — ответил Шаталов. — Совершенствуется техника, появляются новые аппараты. А вот Волынов — Волынов, побалуй, не изменился. Целеустремлен, настойчив, предан нашему делу, как и Жолобов».

И мне казалось, когда раздалась на космодроме команда: «Ключ на старт!» у Волынова и Жолобова мелькнула одна и та же мысль: ГОТОВЫ. ИДЕМ!

Телерепортаж из космоса
СЧАСТЛИВЫХ ДОЗОРНЫХ ТРОП

ЭКИПАЖ ОРБИТАЛЬНОЙ СТАНЦИИ «САЛЮТ-5» ЖЕЛАЕТ ВОИНАМ-ДЗЕРЖИНЦАМ СЧАСТЛИВЫХ ДОЗОРНЫХ ТРОП

ВОЛЫНОВ

14. VII.76 года

Борис Волынов: Здравствуйте, дорогие телезрители. Мы вновь приглашаем вас к нам, на борт орбитальной станции «Салют-5». Приходите к нам в гости с помощью телеэкрана. Мы хотели бы кое-что рассказать вам и показать. У нас много уже витков позади, много сделано, еще больше предстоит сделать. Объем работ велик, насыщен каждый элемент действия, спрессована каждая секунда. Естественно, наша работа такая же сложная, как и у всех людей на земле. Точно так же мы устаем, есть свои трудности. И вот сейчас, в часы досуга, мы читаем журнал, который захватили с собой на борт. Журнал «Пограничник», вот он у меня в руках. Видите журнал?

— Видим, видим! — отвечает Земля.

— В этом журнале напечатана статья Ярослава Голованова «Бессмертие Гагарина». Статья посвящена 15-летию первого в мире космического полета.

Юрий сделал первый виток в космосе, пошел в неизведанное. И очень хорошо, что журнал «Пограничник» поместил такую статью о Гагарине.

Да, за годы освоения человеком космического пространства многого добилась советская космонавтика… Но как бы ни уносило нас время в грядущее, потомки будут всегда обращать свой взор в глубь истории, в 12 апреля 1961 года. Советские пограничники понимают, конечно, что и их верная служба, их вечный дозор, покой людей, который они охраняют, возможность уверенно работать, которую они дают этим людям, — все это тоже делает их участниками исторического свершения 12 апреля 1961 года.

Нас двое на борту космического «дома». Экипаж состоит из командира и бортинженера. И есть третий, он почти зримый — Юрий Гагарин.

Он ежедневно, ежечасно с нами. Юрий Алексеевич остается в сознании землян именно таким, каким однажды он шагнул в бессмертие. В его подвиге плотно сконцентрировались черты советского народа, ибо в полет его отправила вся страна.

— «Байкалы», мы знаем, что, как и для каждого советского человека, имя Гагарина связано для вас с понятиями Родина, партия, народ, — говорит Земля.

— Да, действительно, одно только сознание того, что ты являешься частицей партии, великого советского народа, прибавляет сил, вдохновляет на самые трудные дела. Вспомните

проникновенные слова, сказанные Леонидом Ильичем Брежневым на XXV съезде КПСС о советском народе: «…это народ исключительного трудолюбия, мужества, выносливости, душевной щедрости, одаренности и ума. Это — народ, который несгибаем в лихолетье. Он переживает каждую промашку в своем гигантском деле. Он не кичится своими достижениями, но и не умаляет их. Он отзывчив к радости и к беде других народов, готов помочь их борьбе за справедливость, свободу, социальный прогресс. Советский народ — это действительно великий, героический народ!»

Вот мы посмотрели в иллюминатор и с чувством гордости подумали: какая огромная наша Родина, как она велика и хороша, ее невозможно охватить одним взглядом даже из космоса! Вот мы пролетаем сейчас над ней, небольшие облака… Но чувствуется по всему, что есть знакомые уголки, впечатанные в память нам еще на школьной скамье, которые мы не раз видели, пролетая еще на пассажирском самолете. И вот любуясь величием и красотой Родины, всегда вспоминаешь, что ее рубежи надежно охраняются воинами-дзержинцами. Невольно проникаешься чувством глубокого уважения к этим замечательным людям, к их ратному труду.

Мы, космонавты, часто встречались с пограничниками. В качестве гостя мне довелось побывать на нескольких пограничных заставах. Я видел, какие это мужественные, героические люди. Они не боятся трудностей, умеют их преодолевать. Как у космонавтов, так и у пограничников есть много общего в характере, в действиях, в жизненной позиции.

Отдавая дань мужеству и отваге советских пограничников, мы с Виталием решили на первой странице журнала «Пограничник» поставить наш космический штемпель. Вот эта печать, на ней слова: «Космическая почта, июль 1976 года. Борт «Салют-5». И на память мы напишем несколько теплых слов в адрес воинов-дзержинцев на обложке журнала.

— …Мы неспроста начали свой репортаж с журнала «Пограничник», — продолжает бортинженер Виталий Жолобов. — Когда у нас выдается свободная минута, невольно тянешься к иллюминатору. И каждый раз с нетерпением смотришь и ждешь, когда же вновь покажется наша страна, ее границы. И, подлетая к территории Советского Союза, всегда с волнением думаешь о том, что на границе всегда, и днем и ночью, стоят люди в зеленых фуражках, которые надежно охраняют рубежи нашей Родины.

Вот и сегодня перед началом репортажа мы перечитывали статью о Юрии Гагарине. Мы думали о Родине, о мужестве нашего русского парня, проторившего первую тропу в космос, о

том, что нельзя стать настоящим космонавтом, если не примешь на свои плечи груз, который до тебя несли другие, если не пойдешь дальше…

— Виталий, поставь свой автограф, — говорит Борис Валентинович Волынов, подавая ему космическую ручку, и затем, показывая журнал телезрителям, продолжает:

— Пусть наш космический автограф будет маленьким сувениром советским пограничникам. Здесь написано: «Экипаж орбитальной станции «Салют-5» желает воинам-дзержинцам счастливых дозорных троп.

14. VII.76 года

ВОЛЫНОВ. ЖОЛОБОВ».

— Вот так. Вам видно?

— Видно, спасибо, видно. «Байкалы», а вы видели уже родные места с борта станции? — спрашивает Земля.

— Сейчас Баку было видно с трудом, облачность помешала, — отвечает Виталий Жолобов. — Но каждый раз я стараюсь пристально разглядеть город своего детства и юности и невольно в памяти «прокручиваю» самые радостные неповторимые минуты…

— А вот сейчас мои родные места пролетаем, — раздается взволнованный голос Бориса Волынова. — Вот он, Байкал, слева. Как он прекрасен, если можно было бы моим землякам показать его отсюда!

И каждый в отдельности родной кусочек земли, близкой сердцу каждого советского человека, начиная с западной границы до Тихого океана, невольно объединяется в одно цельное понятие — Родина!

Вот так, наматывая вокруг Земли виток за витком, мы видим огромную территорию Советского Союза. Ее привычные географические очертания, конечно, с космической высоты кое-где стираются. Однако обнаруживаешь, что сознание восстанавливает контур государственной границы из красно-зеленых пограничных столбов, наблюдательных вышек, и, конечно, вспоминаются замечательные люди в зеленых фуражках, стерегущие священные рубежи Родины!

— «Байкалы», спасибо вам за хороший репортаж. Расстаемся с вами. До новых встреч. Всего доброго. До свидания.

ГРАНИЦА ПРИВЕТСТВУЕТ КОСМОНАВТОВ

ОРБИТАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ «Салют-5»
КОСМОНАВТАМ
Борису ВОЛЫНОВУ, Виталию ЖОЛОБОВУ

Советские пограничники выражают сердечную признательность за вдохновляющее приветствие защитникам государственной границы СССР.

Восхищены вашим мужеством, героизмом, отвагой.

Желаем вам, дорогие друзья, новых свершений в покорении космоса во славу любимой Родины.

НАЧАЛЬНИК ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК КГБ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР генерал-полковник В. МАТРОСОВ.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК КГБ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР генерал-майор В. ГАПОНЕНКО.

15 июля 1976 года

Дорогие товарищи Борис Волынов и Виталий Жолобов!

Через журнал «Пограничник» мы обращаемся к вам со словами глубочайшей благодарности за поистине земную теплоту, которой повеяло на нас из глубин космоса во время телевизионного репортажа 14 июля 1976 года, посвященного славным советским пограничникам. Надо ли говорить, что эти минуты нам показались мгновением, которое хотелось продлить: ваши родные лица, улыбки, слова, адресованные людям в зеленых фуражках, будут вдохновлять воинов границы в их нелегкой, почетной службе.

Мы — люди старшего поколения пограничников. Мы счастливы, что нам выпала завидная судьба: с оружием в руках отстаивать честь и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны.

Спасибо вам, дорогие Борис Валентинович и Виталий Михайлович, за ваш героический труд. С нетерпением ждем вас на родной земле.

Герои Советского Союза пограничники: Н. КАРАЦУПА, А. РЫЖИКОВ, Д. КАЗАКЕВИЧ, И. ГОМАНКОВ, П. ДЕРЖАВИН, Н. КАЛУЦКИЙ, Г. КУРОПЯТНИКОВ.

* * *

Мы очень далеко — на острове Ратманова, в Беринговом проливе… Мы почти как космонавты — подолгу оторваны от Большой земли, главная связь с миром у нас — радио. Оно-то и донесло к нам, на самую восточную пограничную заставу, родные слова наших советских космонавтов Бориса Валентиновича Волынова и Виталия Михайловича Жолобова.

Время быстротечно. У многих из нас закончится служба, вернемся мы к мирному труду. Какие-то моменты забудутся. Но мы всегда будем помнить 14 июля 1976 года — день, когда из просторов космоса мы услышали теплое приветствие пограничникам. Даем слово нашим дорогим космонавтам, что будем служить еще лучше, будем еще бдительнее и надежнее беречь границы нашей любимой Советской Родины.

По поручению пограничников заставы на острове Ратманова начальник заставы капитан В. СЕРГИЕНКО, секретарь парторганизации лейтенант А. БЕРНАКОВ, секретарь комитета ВЛКСМ сержант И. НОВИЧИХИН.

* * *

Мы, моряки-пограничники Краснознаменного корабля «Дзержинский»… помним слова, записанные легендарным летчиком Валерием Павловичем Чкаловым в вахтенном журнале корабля ровно 40 лет назад: «Я и мои товарищи выносим сердечную благодарность морякам-пограничникам за оказанную помощь. Мы — летчики, а вы — моряки. Будем и впредь прославлять нашу Родину». Эти слова для нас были всегда боевым наказом и в дни войны, и в мирные дни, по охране морских рубежей любимой Отчизны.

Пограничники-тихоокеанцы гордятся мужеством, славными делами советских космонавтов, шлют вам, дорогие Борис Валентинович и Виталий' Михайлович, горячий морской пограничный привет, пожелание успехов в выполнении намеченной программы полета.

С возвращением на родную Землю ждем экипаж «Салют-5» на борту Краснознаменного корабля.

Краснознаменный Тихоокеанский пограничный округ, борт корабля «Дзержинский».

* * *

Мы служим в суровом Забайкалье и считаем вас, товарищи Волынов и Жолобов, самыми дорогими друзьями нашей именной заставы. Когда вернетесь на родную землю, прилетайте к нам. Мы встретим Вас как самых желанных гостей, как старших братьев. Прилетайте, «Байкалы»!

Пограничники заставы имени Виталия Козлова. Забайкальский пограничный округ.

* * *

У нас тут такая высота, что можно с уверенностью сказать, что наша высокогорная застава ближе всех других к вам, дорогие товарищи космонавты. Тут у нас почти космические холода. Нет только невесомости. Но мы, как и вы, стойко держимся и старательно делаем свое дело — охраняем границу в горах. Сердечное вам спасибо за привет с борта орбитальной научной станции «Салют-5».

Воины заставы имени Андрея Бесценного. Краснознаменный Восточный пограничный округ.

* * *

Пограничники-дзержинцы священной земли крепости-героя Бреста благодарят экипаж орбитальной станции «Салют-5» Бориса Волынова и Виталия Жолобова за теплые слова и пожелания советским пограничникам.

Заверяем вас, дорогие друзья, что мы будем выполнять свой долг, как выполняли его наши отцы, деды, как выполняете его вы, наши отважные покорители космоса.

г. Брест.

* * *

По поручению бывших пограничников, молодых строителей Красноярского алюминиевого завода, шлем космонавтам Волынову и Жолобову, дорогим нашим товарищам на границе,

нашему журналу «Пограничник», побывавшему в космическом дозоре, самые искренние слова благодарности за несколько минут телевизионного репортажа, всколыхнувшего в каждом из нас непреходящее чувство границы.

Пограничник, сержант запаса М. МАЛЫХИН, Герой Социалистического Труда.

А. РЯБЧЕНКО, заместитель управляющего треста «Красноярскалюминстрой».

Ура — космонавтам! Ура — пограничникам! Мы все видели. Мы счастливы, что это видели!

В. АЛТУХОВ, А. СЕРЯКОВ, М. КУЗНЕЦОВ, М. ШАКИРОВ, В. ХОРОВИНКИН, бывшие пограничники, строящие КамАЗ.

* * *

Горячо разделяем радость советских пограничников — наших братьев и товарищей по оружию и труду. Желаем экипажу «Салют-5», космонавтам Волынову и Жолобову благополучного возвращения на родную землю, а дорогим советским пограничникам — счастья и здоровья.

ЕВГЕНИЙ ГАНЕВ, ЙОРДАН ГЕОРГИЕВ, СПАС ХРИСТОСКОВ — бывшие пограничники НРБ, строители газопровода СССР.

Оренбург — западная граница

* * *

ЭКИПАЖУ «САЛЮТ-5» тт. ВОЛЫНОВУ Б. В., ЖОЛОБОВУ В. М.

Пограничники Крыма с большим интересом и волнением слушали вашу передачу из космоса. Заверяем, что, выполняя решения XXV съезда КПСС, приложим силы для дальнейшего укрепления могущества Родины, бдительной охраны ее священных рубежей.

А. КОЗЫРЬ, Г. КУЦ.

Размышления после посадки корабля «Союз-21»

Очередные семь недель, почти 1.200 часов работы в космосе, на околоземной орбите… Чем знаменательны они? Что дали науке, народному хозяйству, практике космоплавания?

Размышляя об этом здесь, в Центре управления полетом, я возвращался в мыслях к первым космическим стартам, к «Востокам» и «Восходам», первым «Союзам» и «Салютам», к беседам с теми, кто совершал на них первые рабочие и испытательные рейсы. Помнится, как однажды летчик-космонавт СССР доктор технических наук, профессор К. П. Феоктистов сказал:

— Когда были предприняты первые попытки, сделаны первые шаги для проникновения в космос, то едва ли не главной движущей силой являлось любопытство. Убедиться в том, что мы действительно можем это совершить. Узнать: а что там интересного, нового? Может ли человек жить в условиях невесомости? В общем-то, ведь сомнения были… Если же говорить о задачах сегодняшнего дня, мы уже видим: близится момент, когда освоение космического пространства станет экономически рентабельным…

Экономически рентабельным… Эти слова я слышал и позднее. От конструкторов, от ученых, от специалистов в различных областях знаний. Нередко произносились они и в ходе полета комплекса «Союз-21» — «Салют-5». Произносились не абстрактно, не как лишь желаемая и ожидаемая перспектива, а применительно к конкретным делам сегодняшнего дня, конкретным сеансам связи, конкретным экспериментам.

В самом деле, внеземные лаборатории, метеорологические спутники, спутники связи, да и другие космические аппараты уже позволяют экономить человечеству средства, вполне соизмеримые с их стоимостью.

Работа Б. Волынова, В. Жолобова и их предшественников — свидетельство тому, что орбитальные станции используются для проведения геологической разведки, поиска полезных ископаемых, картографирования, изучения океана… И уже первые результаты говорят о рентабельности таких исследований.

Один лишь Пример. Вторая экспедиция на «Салюте-4» (П. Климук и В. Севастьянов) провела съемку более 5,5 миллиона квадратных километров территории нашей страны. По оценкам специалистов, экономический эффект такого рода работ (а в них

заинтересованы самые различные отрасли народного хозяйства) превышает 50 миллионов рублей.

Сейчас еще рано говорить об экономической отдаче «Салюта-5». Полученная космонавтами Б. Волыновым и В. Жолобовым информация нуждается в обработке. Но проводимая ими спектрозональная съемка земной поверхности районов Белоруссии, Центральной нечерноземной полосы, Поволжья, Среднеазиатских республик, Украины, Молдавии, Алтайского края послужит хорошей основой для решения важных народнохозяйственных задач.

Вспомним трудовые будни экипажа на орбите. Спектральная съемка велась также над акваторией Атлантического океана, в районах сильных океанических течений, Прикаспийской низменности.

Исследования, которые выполнял экипаж «Салюта-5», преследуют совершенно конкретные цели: выявление районов, перспективных для поиска залежей полезных ископаемых, изучение сейсмоактивности, оценка селевой опасности в горных местностях, исследование районов гидротехнических сооружений и т. д.

Обработка снимков, сделанных из космоса, поможет рационально, с учетом многих природных факторов планировать строительство шоссейных и железных дорог, размещение каскада плотин гидроэлектростанций, промышленных комплексов, новых городов.

Но это еще не все. С борта орбитальных станций можно вести наблюдения за возникновением лесных пожаров в труднодоступных местностях и тем самым уберечь большие участки леса от гибели, обнаруживать косяки рыбы в океане и уточнять маршруты промысловых судов, составлять схемы движения айсбергов в полярных широтах, объективно оценивать запасы пастбищ, получать данные, чрезвычайно важные для синоптиков…

Несколько цифр, иллюстрирующих экономический эффект космоса. Информация, полученная со спутников «Метеор» и используемая для долгосрочного прогнозирования и заблаговременного предупреждения о возможных наводнениях,

Смежных обвалах, ураганах и штормах, позволяет гидрометеослужбе страны ежегодно сохранять материальных ценностей на 500–750 миллионов рублей. В мировых же масштабах космическая служба погоды позволяет сберечь до 60 миллиардов долларов в год. По данным ЮНЕСКО, ежегодно спутники спасают от катастрофы 400 морских и океанских судов…

А космические радиомосты? Это величайшее достижение современности. Судите сами. Чтобы обеспечить передачу телевидения из Москвы во Владивосток и телефонные переговоры между этими двумя городами, необходимо построить примерно 200 приемо-передающих наземных станций. При использовании спутников таких станций нужно лишь две — одна в Москве, другая во Владивостоке.

Ныне в нашей стране действует около 70 спутниковых станций «Орбита». На строительство этой наземной сети приемных и приемопередающих пунктов ушло от пяти до семи лет. И строительство обошлось государству примерно в сто миллионов рублей. Цифра немалая. Но сооружение радиорелейных или кабельных линий на столь огромные расстояния потребовало бы не один десяток лет и… миллиарды(1) рублей расходов.

Космос интересен и необычностью своих условий. На борту «Салют-5» выполнялась большая программа технологических экспериментов в невесомости. В одном из репортажей из Центра управления полетом уже сообщалось о важности таких исследований. По существующим оценкам, производство в космосе новых материалов (кристаллов, сплавов и т. д.) в состоянии дать высокий технико-экономический эффект и обеспечить к 1990 году прибыль от 5 до 50 миллиардов рублей.

И еще. Ответы науки всегда шире заданных ей вопросов. Это в максимальной степени относится и к космонавтике. Спутники, пилотируемые корабли и орбитальные станции дали для развития самых разных наук — астрономии, геофизики, климатологии, космической химии, биологии, медицины, планетологии и т. д. — так много ценнейшей информации, что мы вправе говорить об их незаменимости.

Так сегодня. А завтра?

Чтобы полнее представить научное и практическое значение новой космической экспедиции на «Салюте-5», важно не только осмыслить и проанализировать сами результаты почти 50-суточной работы экипажа на орбите, но и увидеть те новые проблемы, которые они влекут за собой. Установить взаимосвязь достижений самой космонавтики с развитием других научных и технических областей практической деятельности людей.

Сегодня речь идет о прикладном значении космоса, о награде землянам за дерзость и смелость, о великом многообразии дел земных, к которым прорыв во Вселенную уже имеет самое прямое отношение, а в будущем будет иметь еще большее.

Космос — дорога в завтра. «Эфирные поселения», НИИ и заводы на орбитах, внеземные космодромы… Все это не утопия, а

конкретная перспектива. Это подтвердил и космический рейс корабля «Союз-21».

Полковник-инженер М. РЕБРОВ,

Центр управления полетом — Москва.

Игорь ВАСИЛЬЕВ
ПОГРАНИЧНЫЕ ВЫМПЕЛЫ — В КОСМОСЕ

14 октября 1976 года стартовал «Союз-23» с экипажем а составе командира Вячеслава Зудова и бортинженера Валерия Рождественского. На следующий день из-за нерасчетного режима работы системы управления сближения корабля «Союз-23» стыковка его со станцией «Салют-5» была отменена. 16 октября

1976 года экипаж возвратился на Землю. В ходе 2-суточного полета космонавты Вячеслав Зудов и Валерий Рождественский показали отличную подготовку, большую выдержку, глубокие знания, огромное трудолюбие, настойчивость и бесстрашие.

— Вячеслав Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, о Вашем первом космическом полете.

Зудов:

— Каждый новый полет в космос вносит определенный вклад в дальнейшее развитие и совершенствование космических аппаратов. Наш полет на транспортном корабле «Союз-23» — не исключение. Он был первым полетом, в котором транспортный корабль «Союз» не приземлился, а приводнился. Это была не экспериментальная проверка, а действительный полет, который показал безупречную и слаженную работу наземных служб обеспечения, высокий класс специалистов управления полетом, а также значение человека на борту космического аппарата.

— Валерий Ильич, расскажите, пожалуйста, о полете «Салюта-5».

Рождественский:

— Станцию «Салют-5» мы хорошо изучили и знаем так же, как свой родной дом. Много времени было проведено в аналоге на заводе-изготовителе. «Салют-5» — огромный, красивый и умный космический робот. Но одно дело встреча с этой станцией на Земле, и совсем другое — в полете на земной орбите. Когда мы увидели ее в космическом полете, невольно вспомнили научно-фантастические повести К. Э. Циолковского «Путь к звездам», где Константин Эдуардович дает описание космического корабля. При виде станции «Салют-5», этой красавицы, у нас дух захватило и мы поняли в полной мере состояние Павла Романовича Поповича и его восклицание: «Красавица-то какая!», сказанное им о станции «Салют-3» в одном из сеансов связи при сближении корабля «Союз-14» и станции «Салют-3».

«Родоны»[3], какие особенности, по-вашему, заключены в профессии космонавта?

Зудов:

— Я считаю, что особенностью нашей профессии является большой период подготовки и сравнительно небольшое время непосредственной работы в космосе. Если на подготовку и тренировки уходят годы, то сама работа в космосе продолжается не более двух-трех месяцев. Это обстоятельство объясняется молодостью пилотируемой космонавтики, когда ее развитие находится, в основном, еще на уровне исследований и

экспериментов. С другой стороны, эта особенность объясняется требованием к космонавту, который должен уметь делать многое. Он должен совместить в себе разностороннего инженера, безупречно знающего конструкцию космического аппарата и его систем, и ученого-исследователя, глубоко эрудированного в области различных наук, и способного квалифицированно провести любой научный эксперимент. Космонавт должен обладать навыками человека, испытывающего пилотируемую технику, способного в любой момент при появлении аномалии в работе системы четко понять, чем это грозит, к чему это может привести и соответственно принять необходимые меры. Разумеется, на такую всестороннюю подготовку нужно много времени.

Рождественский:

— Я хотел бы дополнить высказывание Вячеслава, отметив, что особенность нашей профессии, вернее, ее требование к нам — необходимость идеального здоровья у космонавта, что влечет за собой соблюдение строгого режима в нашей жизни, постоянной дисциплины во всем. Это, конечно, вносит свои сложности, трудности, но сторицей окупается увлекательной, интересной и творческой работой космонавта.

— Вячеслав Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, о Вашем возвращении на Землю.

Зудов:

— 16 октября 1976 года после окончания работ на борту транспортного корабля «Союз-23» мы подготовили аппарат к спуску на Землю, и в 20 часов 02 минуты московского времени была включена тормозная двигательная установка. По окончании работы двигателя произошло разделение отсеков корабля. Спускаемый аппарат перешел на траекторию снижения. На высоте 7 километров была введена в действие парашютная система. Наш аппарат совершил посадку в 195 километрах юго-западнее города Целиноградa и опустился на поверхность озера Тенгиз. В момент нашего приводнения на Тенгизе было минус 20 градусов и 1.500 квадратных километров горько-соленой воды озера дымилось. Интересно отметить, что возвращаемый аппарат «Союза-23» впервые в отечественной космонавтике не приземлился, а приводнился. Это, вероятно, можно объяснить только тем, что бортинженер нашего экипажа связан своим прошлым с морской стихией. Судьба решила еще раз напомнить Валерию о его близости к морским делам… Погодные условия во время посадки были хуже некуда: ночь, сильный снегопад, туман, холод. Поисково-спасательный комплекс, включающий самолеты, вертолеты и плавсредства, успешно справился с задачей

эвакуации спускаемого аппарата «Союза-23».

— Валерий Ильич, говорят, что океан — это второй космос. Вы побывали и в океане, и в космосе, и как никто другой можете их сравнить. Каковы Ваши впечатления?

Рождественский:

— У океана и космоса много общего. Много неизведанного, много загадок, которые еще предстоит исследовать человечеству, разгадать их и использовать на благо общества. В океане, как и в космосе, испытываешь чувство невесомости. Разница, конечно, есть. Например, в воде вы не сможете делать резких движений из-за вязкости воды. Но в то же время в воде можно отрабатывать различные приемы и вырабатывать навыки, необходимые впоследствии при работе в космосе. Если взять, например, подводную лодку, то у нее также есть много общих проблем с космическими аппаратами, например, в использовании замкнутых экологических систем. В этом отношении опыт, полученный при эксплуатации подводных лодок, учитывается при создании систем жизнеобеспечения космических аппаратов.

— Валерий Ильич, что в жизни больше всего повышает Ваше настроение?

Рождественский:

— Больше всего повышает мое настроение предстоящая большая, интересная, творческая работа и, конечно, результаты этой работы. Особенно приятно, когда видишь, что результаты твоего труда оказали помощь твоим товарищам, пошли на благо людям. При выполнении такой работы не замечаешь, что есть выходные и праздники, а после выполнения ее можно и отдохнуть и заняться с еще большим удовольствием любимым делом и спортом.

— Вячеслав Дмитриевич, что такое, по-вашему, счастье?

Зудов:

— «В жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого человека». Эти слова Л. Н. Толстого невольно пришли мне на память и я целиком согласен с великим русским писателем.

— Валерий Ильич, какие качества Вы цените в людях?

Рождественский:

— Я ценю в людях упорство в достижении цели, силу воли, умение добиться своего, честность, умение понимать других, быть отзывчивым, а также жизнерадостным и понимающим здоровый юмор.

— «Родоны», чем вы собираетесь заниматься в дальнейшем?

Зудов:

— Окончу Академию — буду и дальше совершенствоваться

как космонавт. Хочу еще не раз побывать в космосе. Для этого необходимо постоянно поддерживать спортивную форму, проводить постоянные тренировки и занятия. Буду участвовать в составе служб наземного обеспечения полетов моих товарищей на НИПах. Буду готовиться к следующим предстоящим полетам в космос.

Рождественский:

— Конечно, буду готовиться к предстоящим космическим полетам. Надеюсь еще неоднократно побывать в полетах на орбите нашей планеты и поработать в составе экипажа научной станции «Салют», разумеется, вместе с Вячеславом.

— Дорогие «Родоны», сообщите, пожалуйста, свое отношение к журналу «Пограничник» и его читателям.

Зудов:

— Дорогие читатели журнала «Пограничник»! Разрешите передать вам большой, сердечный привет от семьи космонавтов и экипажа станции «Салют-5» — Бориса Волынова и Виталия Жолобова. Известно, что на этой станции впервые побывал журнал «Пограничник» и совершил 63-суточный полет. Пятнадцать суток журнал находился на станции при ее полете в автономном режиме.

Журнал стал бесценной реликвией, символом дружбы людей, охраняющих мирный труд нашей Родины, и людей мирного космического труда. Нашим экипажем были взяты на борт транспортного корабля два вида вымпелов погранвойск. Они побывали в космосе, и мы их вручим нашим друзьям пограничникам, лучшим подразделениям и частям погранвойск.

Рождественский:

— Мне хотелось бы подчеркнуть много общего в труде людей погранвойск и людей мирного космического труда. Тем и другим необходимо иметь большие знания и постоянно их углублять; мужество, силу воли, способность быстро оценивать обстановку, принять необходимое оптимальное решение и в минимальные сроки провести его реализацию. Профессия космонавтов — это самая мирная профессия и она, как и все другие мирные профессии, нуждается в мирных условиях труда. В связи с этим мы всегда помним о людях, охраняющих наш мирный труд, — пограничниках.

Виталий ГОРДИЕНКО
НЕБО НАШЕГО ДЕТСТВА

Мой старший сын любит в ясную ночь смотреть на звезды. Это у него началось с того дня, когда он впервые увидел Монумент покорителям космоса. Устремившаяся ввысь космическая ракета поразила его воображение. Он стал требовать телескоп, стал чуть ли не каждое воскресенье проситься в планетарий… Он не пропускает ни одного телевизионного репортажа из космоса. Через два года ему пятнадцать лет. Во

многом я ему завидую. И только в одном он всегда будет завидовать мне. Пятнадцатилетним я видел первый советский искусственный спутник Земли. Своими глазами. В лучах восходящего солнца. В небе моего детства, над казахстанским поселком, что стоит на железной дороге, ведущей к Москве…

Какими бесконечными кажутся в детстве годы… Это сейчас мы отлично себе представляем, что значит для Родины жить без войны больше тридцати лет и что значило спустя всего двенадцать лет после войны прорваться в космос. А ведь тогда, 4 октября 1957 года, мы, родившиеся в первом году войны, почти как один потерявшие отцов, и не думали о том, что война была совсем недавно, что мы уже жили, когда она началась, что при нашей жизни были восстановлены разрушенные до тла города, при нашей жизни освоена целина… Всего двенадцать лет, а сколько было сделано. И первый спутник стал как бы наградой за слезы, кровь и пот советских людей… А нам казалось, что война была очень и очень давно, так давно, что трудно и представить. И несмотря на то, что почти в каждой семье не было отца или он был инвалидом, мы мало верили в чудовищную реальность войны. Да и верить в нее было вроде бы ни к чему — жизнь становилась все лучше и лучше, веселели лица людей, надеждой наполнялись сердца.

Мы многое замечали. В 1956 году первый рейс совершил реактивный пассажирский самолет ТУ-104. Недавно я видел его на вечной стоянке в аэропорту Внуково. Теперь это памятник. А двадцать лет назад мы, мальчишки, задрав голову, во все глаза глядели на маленькую серебристую птицу, оставляющую в голубом небе долго не таявший белый след… В журнале «Знание — сила» мы все чаще и чаще замечали фантастические рисунки звездных миров. Однако не могли воспринимать их всерьез, как невозможно смириться с одной мыслью, что там — за толщей облаков, в глубочайшей глубине неба нет никакой «твердой» преграды, ничего нет. Бесконечность. И мы, как и все дети, любили подолгу смотреть в небо. Подложишь под голову руки и смотришь, смотришь — улетел бы!

4 октября 1957 года… Рано утром меня послали в бывшие мастерские МТС отнести отчиму завтрак. Дело несложное: краюха черного хлеба да бутылка молока — бутербродов мы тогда не знали. Хотя я и любил отчима, который меня воспитывал с семи лет, вставать с восходом солнца страшно не хотелось. Кое-как, сунув узелок мне в руки, мать выпроводила меня за калитку.

Чтобы добраться до бывших мастерских МТС, надо пройти недлинной Колхозной улицей, потом небольшим пустырем, заросшим джигидой, терновником, карагачем и кленом. Я шел,

уже окончательно проснувшись, весело посвистывая, посматривая по сторонам. Хотя была осень — стояли теплые дни, ночью, правда, уже подмораживало, так что вязкие во рту плоды серебристой джигиды в это время как раз были самые сладкие. Я останавливался, тянулся за плодами, набивая ими рот, и только поплевывал косточки. Чем дальше я шел, тем веселее становилось на душе. Джигида надоела, и я начал петь: «Нам нет преград ни в море, ни на суше…» И вдруг я остановился. От изумления даже растерялся.

Такого зрелища я никогда не видел. Через все небо в лучах восходящего солнца тянулись два мощнейших хвоста, раскрашенные всеми цветами радуги. Они образовывали тупой угол, во главе которого ярко светилась серебристая точка. И точка, и эти прекрасные две радуги медленно двигались на Север. Минуты две я стоял, разинув рот, и смотрел, как это удивительное свечение, покрасовавшись на небосводе, скрылось за обрезом степного горизонта. И как только это необыкновенное видение скрылось — небо потускнело, стало бледнее обычного. Я еще долго стоял как зачарованный в надежде, что оно снова проплывет по небосводу. Однако оно исчезло, как будто никогда и не появлялось. Из отрешенного состояния вывели меня восклицания у ближайшей хаты.

— Что это?

Если бы я знал, что это было… Но у меня самого сердце как-то странно и тоскливо ныло от непонятного предчувствия чего-то. Я решил поскорее увидеть отчима.

Он сидел на бревнышке, ждал меня и курил жесточайшую махорку. И тоже с недоумением поглядывал на небо.

— Вот окаянный, как высоко забрался! — сказал он.

— Кто?

— Ероплан… Реактивный, видно…

— Ну да! А звук где?

— А что же это тогда?

Вернувшись домой, я долго не находил себе места. И вдруг застыл у черной «тарелки». Голос, который не спутаешь ни с каким другим, сказал: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза… Передаем сообщение ТАСС…» У меня часто-часто забилось сердце — кожей я почувствовал: то, о чем сейчас скажет Левитан, — будет радостной вестью. Это было слышно в каждой нотке металлического голоса. Я с нетерпением переждал паузу…

«… 4 октября 1957 года в СССР произведен успешный запуск первого спутника… В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли и его полет можно

наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца…»

Невероятно! Значит та серебристая, излучавшая две прекрасные радуги, точка в небе была спутником!

…В школе в тот день практически не шли уроки — мы то и дело выбегали во двор в надежде увидеть спутник. Трудно сейчас вспомнить, какое значение мы придавали этому событию — наверное просто радовались вместе со взрослыми, однако своим детским сознанием мы понимали: произошло такое, что не может сравниться с самой смелой фантазией.

Директор школы Даменик Маркович Барановский, воздевая руки к потолку, говорил:

— Вы завидуете героям книг Гайдара, юным партизанам, молодогвардейцам… Вы думаете, что все самое великое свершилось. Вот вам — пожалуйста! Мозг человека, его талант и энергия создали искусственную маленькую планету. Но может быть, вам придется трудиться над проблемой запуска в космос аппарата с человеком на борту…

Конечно, мы не могли тогда сказать, что первый советский искусственный спутник Земли явился живым воплощением гигантского многолетнего труда нашего народа, превратившего свою Родину в могучую индустриальную державу; не знали мы тогда ни космодрома Байконур, ни Главного конструктора Сергея Павловича Королева, ни тем более Юрия Гагарина и целой плеяды советских космонавтов — обо всем этом тогда, 4 октября 1957 года, никто не мог даже догадываться.

И когда 12 апреля 1961 года студентом я ловил в воздухе листовки с портретом улыбающегося Юрия Гагарина, листовки, тоннами сбрасываемые с самолетов, — я вспоминал слова директора школы.

Какой радостный был праздник 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции! Праздник с макетами спутников Земли в колоннах демонстрантов, с громкими, усиленными тысячами радиодинамиков, родными и волнующими сигналами из космоса: «Бип, бип, бип…»

К сожалению, никто из нашей школы не стал космонавтом, не трудится непосредственно в области создания космической техники. Но тот первый спутник дал нам всем хороший урок — во что бы то ни стало стремиться к знаниям. Из нас получились физики, математики, врачи, высококвалифицированные рабочие. Виктор Капустин, Петр Рубцов, Виталий Мазур, Анатолий Кунавин — кандидаты физико-математических наук. Так что спутник оказал не только прямое, непосредственное влияние на развитие прогресса, но и вот такое, косвенное.

Первый наш спутник помог и мне выбрать цель. Вечером, 4

октября, прийдя в себя от пережитых за день волнений, я написал о том, что видел, чем гордился, заметку в областную газету. Через несколько дней ее напечатали. Эта публикация для меня стала событием таким, с которым может сравниться разве что запуск первого спутника… Не знаю, сколько лет хранилась у меня газета с этой заметкой. Вернее, не хранилась, а была, потому что всем родным, знакомым, друзьям приходилось ее показывать… Со временем, когда все в общем-то привыкли к космосу, в этой истории уже интересовал не факт запуска первого спутника, а хотя бы косвенная причастность к этому факту. Газету затерли, замусолили и в конце концов, наверное, кто-то ее взял себе на память. И может быть, по-своему тоже теперь считает себя причастным к запуску первого спутника.

За первым спутником — второй, и до боли красивая мордочка первой космической путешественницы — Лайки. Потом — Человек! В 1961 году не было такого дома, в котором бы на самом видном месте не висел портрет веселого парня, известного и любимого во всем мире. И чем быстрее шла к сегодняшнему дню космическая эпопея, тем, к сожалению, привычнее становились запуски и приземления. И вот однажды… Владимир Комаров. Навсегда врезалось в память плачущее лицо его взрослого сына у Кремлевской стены… А потом не стало нашего любимца Юрия Гагарина… И тогда многим стало совершенно ясно: дорога в космос это по-прежнему — неизвестность, по-прежнему риск, несмотря на совершенство нашей космической техники. И тогда с замиранием сердца каждый наверное думал о мужестве Гагарина, о его отчаянном и дерзком — «По-еха-ли!» И тогда еще более значительным стал тот факт, что первым был все-таки советский человек.

Приближалось 15-летие первого полета человека в космос. Уже в редакции «Пограничника» лежал очерк научного обозревателя «Комсомольской правды», большого друга наших космонавтов Ярослава Голованова — «Бессмертие Гагарина», когда кому-то пришла в голову мысль: а что если поговорить хотя бы с одним космонавтом. Поговорить там, в Звездном, в рабочем кабинете, в привычной обстановке. А удастся — то и в редакцию пригласить.

И вот 31 марта 1976 года к 15 часам нас ждут в Звездном. Мы выехали задолго — боялись опоздать. По дороге молчали. Хотелось сосредоточиться, подумать, хотя от волнения это нелегко было сделать. И это совершенно понятное волнение: хотя «космонавты живут на земле» — люди они необыкновенные; люди, видевшие Землю из космоса, не могут быть обыкновенными… Так думалось. И, естественно, вспоминалось

все, связанное с космонавтами.

…Летом 1969 года Борис Валентинович Волынов побывал на героической заставе имени Ивана Стрельникова и от имени летчиков-космонавтов СССР возложил венок на могилу героев тихоокеанской границы.

…В октябре 1973 года на совещании комсомольских работников пограничных войск со словами приветствия выступил космонавт гагаринской школы Валерий Федорович Быковский. Несколько фраз запомнилось: «Профессия космонавтов сродни героической профессии пограничников… Как и воины границы, мы надолго бываем оторваны от дома. Как и воины границы, мы ежеминутно подвергаемся риску. Как и воины границы, мы беззаветно любим нашу великую Родину…» Наверное, робость помешала мне в числе многих участников совещания, забывших на мгновение воинскую субординацию и кинувшихся к полковнику В. Ф. Быковскому за автографами, подойти и пожать ему руку. Зато, зайдя в комнату, где космонавт разделся, я подержал в руках его фуражку…

…После своего первого полета в космос Петр Климук поехал в отпуск к родителям, к себе в деревню, где родился и вырос. Тогда-то пограничники одной из застав на западной границе с радостью узнали в герое космоса того чернявого офицера-летчика, который ежегодно, бывая в своем доме, захаживал и на заставу, где у него и до полета в космос всегда были друзья. Теперь, естественно, их стало больше.

…Как только газеты сообщают о полете в космос очередного экипажа, я ловлю себя на мысли, что стараюсь немедленно узнать возраст космонавтов. Это началось у меня с полета Гагарина. Оказалось, что Юрий Гагарин — ровесник моего старшего брата. У них даже биографии в чем-то схожи: школа, ремесленное училище… Гораздо позже я понял, что такие биографии были почти у всех мальчишек военной поры. Они очень рано узнали труд и вышли в самостоятельную «взрослую» жизнь, хотя были совсем пацанами.

Удивительно, как-то даже родственно воспринялся поэтому первый полет Петра Климука — теперь уже моего ровесника. Мне долго думалось о том, что родились мы в одном, 1942 году, что одновременно, только в разных деревнях играли «в войну», в пятидесятых годах подростками, может быть, в одни и те же часы простаивали в очередях за хлебом… У меня сердце бьется от волнения: ведь мы могли одновременно видеть первый спутник! И все, что было в нашей жизни, все великие достижения Родины прошли через наше сознание, как прошло все это через сознание нашего поколения, выросшего без войны. И когда я на телеэкране

увидел улыбающегося Петра Климука в страшно далекой дали, в бездне космоса, я по-доброму ему позавидовал и с горечью подумал, что видеть-то мы видели первый спутник, только один из нас тогда, 4 октября 1957 года, заглянул вперед, в будущее, несравненно дальше другого… Но гордость за ровесника взяла свое — значит, мои «годки» тоже не лыком шиты!

Нетрудно теперь понять, почему по дороге в «Звездный» я волновался, может быть, больше моих товарищей. И когда Арнольд Байкалов, давний друг нашего журнала, в то время ставший добровольным посредником между космонавтами и пограничниками, сказал: «Внимание, подъезжаем к Звездному!» — мне захотелось выйти из машины и протопать по этой дороге пешком.

Поразительна простота Звездного. Где-то в глубина души я почувствовал легкое разочарование. Ожидалось нечто сказочное, а тут самая обыкновенная, реальная картина: весенние лужи на дороге, просторно поставленные среди сосен самые обычные здания, самые настоящие — и веселые и озабоченные люди, в которых непременно хочется видеть то ли Поповича, то ли Леонова, то ли Севастьянова… Лишь памятник Юрию Гагарину, не случайно поставленный на невысокий постамент — земной человек, возвысившийся над силами природы, но не над людьми, — напоминает, что здесь, среди сосен подмосковного леса, живут герои космоса.

Чистые коридоры, двери, из-за которых слышатся звуки работающей аппаратуры. Мы поднимаемся в кабинет с табличкой — «Б. В. Волынов, П. И. Климук». Большая комната. Много света. Два письменных стола с вертящимися креслами и один длинный стол — для небольших встреч и деловых бесед. Ничего лишнего. Тихо сидим. Ждем. Соображаем, с чего и как начнем разговор. И вдруг обнаруживаем, что письма космонавтам, в котором мы приглашаем их к себе, в «Пограничник», с нами нет. Это невероятно! Оно ведь только что было, мы его положили в один из десяти экземпляров «Пограничника», в котором опубликован очерк «Бессмертие Гагарина». Эти экземпляры мы взяли с собою, чтобы подарить космонавтам и хотя бы один привезти в редакцию с автографом героев космоса. И вот три взрослых человека, от внезапно обрушившегося «несчастья» ставшие похожими на провинившихся детей, потея, пыхтя, сосредоточенно, тщательно листают книжки журнала в надежде найти письмо. Но его нет, оно как в воду кануло. Начинаем вспоминать всю дорогу по территории Звездного. Один из нас бежит в гардероб, шарит в карманах шинелей — напрасно! На помощь приходит молодой человек. Через несколько минут он приносит оброненное нами

письмо. Мы с благоговением рассматриваем его, как будто там написано бог знает что необыкновенное и нам неизвестное. Мы рады этой находке, кажется, больше, чем самому факту пребывания в Звездном. На душе становится легко. И вдруг, как и тогда, во время совещания комсомольских работников, на котором выступал В. Ф. Быковский, мне захотелось прикоснуться к какой-нибудь вещи, к которой притрагиваются руки космонавтов. У меня не было сил сдержаться. Я подошел к столу Б. Волынова, сел в его кресло, взялся за подлокотники, посмотрел не стол. Испещренный часами и минутами ежедневник — космонавтам нелегко и на земле. Рука так и потянулась к телефону — я никак не мог удержаться, чтобы не позвонить из этого кабинета в Звездном. На другом конце провода, в Москве, услышав мое сообщение, человек, которого трудно чем-нибудь удивить, сказал: «Не валяй дурака, старик, работай…» Я сидел в кресле и думал, что вот в этом кабинете работают два обыкновенных и в то же время необыкновенных человека.

Он вошел так внезапно и стремительно, что я не помню его в дверях. Он как будто возник из ниоткуда — коренастый, плотный полковник в парадной шинели. Движения у него легкие, молодцеватые. Он в секунду снял шинель, фуражку и стал знакомым по кинокадрам и телеэкрану улыбчивым дважды Героем Советского Союза Петром Климуком. Запустив обе руки в буйную и жесткую шевелюру, пригладил прическу.

— По какому делу, товарищи пограничники?

Никогда не забуду его крепкое рукопожатие — ладонь большая, надежная. Открытое, без лукавинки лицо, прямой взгляд — в глаза собеседнику… Через полминуты неловкость исчезла.

— Работы не меньше, чем в космосе… — улыбнулся Петр Ильич, стремительно бросая руку к зазвонившему телефону.

Ему много звонили. Разговоры о самых земных делах — о том, что нескольких ребят надо представить к комсомольской награде, о машине, которую надо срочно послать куда-то, об очередном приглашении выступить перед рабочими завода. Мы попросили сделать надпись на журнале, Петр Ильич начал писать, но звонки отвлекали, мешали сосредоточиться…

Время наше вышло. Он показал на кипу бумаг:

— Мне еще доклад писать…

Как и при встрече, Петр Ильич крепко пожал нам руки.

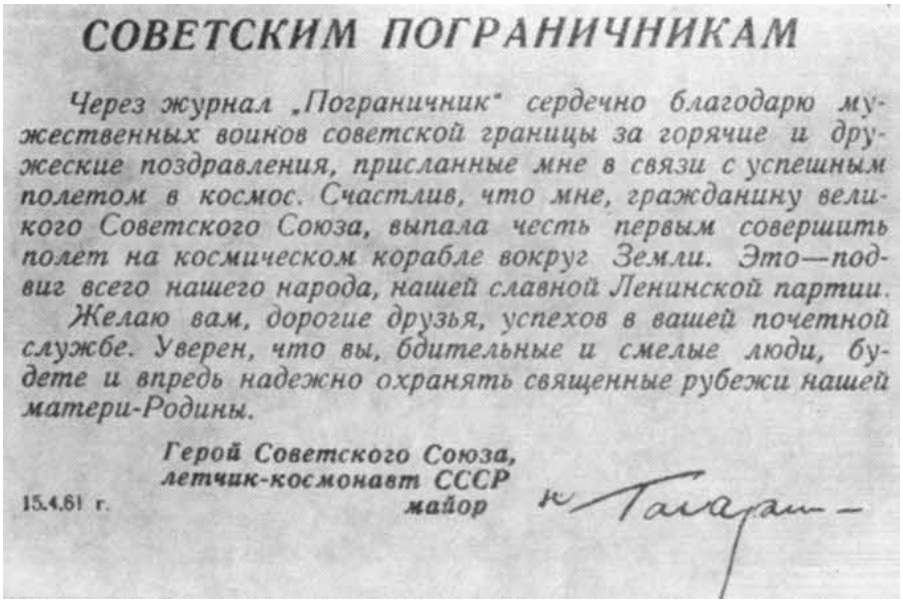
…Из Звездного мы уезжали в тот предвечерний час, когда легкие сумерки сказочно преображают окружающий мир. Но не сумерки виноваты в том, что теперь совершенно по-иному, более величественно стояли высокие здания, совершенно отчетливо

звучала в ушах музыка Андрея Петрова из кинофильма «Укрощение огня»… И только звенящий хруст подмороженных к вечеру лужиц возвращал к действительности. А она была замечательной. И от этого последний мартовский день был таким наполненным и прекрасным.

Звездный городок — Москва.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ПОТОМКИ ВСЕГДА БУДУТ ПОМНИТЬ 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА. СОВЕТСКИЕ ПОГРАНИЧНИКИ СЧИТАЮТ, ЧТО И ИХ ВЕРНАЯ СЛУЖБА, ИХ ВЕЧНЫЙ ДОЗОР, ПОКОЙ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЙ ОНИ ОХРАНЯЮТ, ВОЗМОЖНОСТЬ УВЕРЕННО РАБОТАТЬ, КОТОРУЮ ОНИ ДАЮТ этим людям, — ВСЕ ЭТО ТОЖЕ ДЕЛАЕТ ИХ УЧАСТНИКАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО СВЕРШЕНИЯ 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА.



СОВЕТСКИМ ПОГРАНИЧНИКАМ

Через журнал „Пограничник" сердечно благодарю мужественных воинов советской границы за горячие и дружеские поздравления, присланные мне в связи с успешным полетом в космос. Счастлив, что мне, гражданину великого Советского Союза, выпала честь первым совершить полет на космическом корабле вокруг Земли. Это—подвиг всего нашего народа, нашей славной Ленинской партии.

Желаю вам, дорогие друзья, успехов в вашей почетной службе. Уверен, что вы, бдительные и смелые люди, будете и впредь надежно охранять священные рубежи нашей матери-Родины.

Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР
майор Гагарин

15.4.61 г.

СОВЕТСКИМ ПОГРАНИЧНИКАМ

Через журнал «Пограничник» сердечно благодарю мужественных воинов советской границы за горячие и дружеские поздравления, присланные мне в связи с успешным полетом в космос. Счастлив, что мне, гражданину великого Советского Союза, выпала честь первым совершить полет на космическом корабле вокруг Земли. Это — подвиг всего нашего народа, нашей славной Ленинской партии.

Желаю вам, дорогие друзья, успехов в вашей почетной службе. Уверен, что вы, бдительные и смелые люди, будете и впредь надежно охранять священные рубежи нашей матери-Родины.

Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР

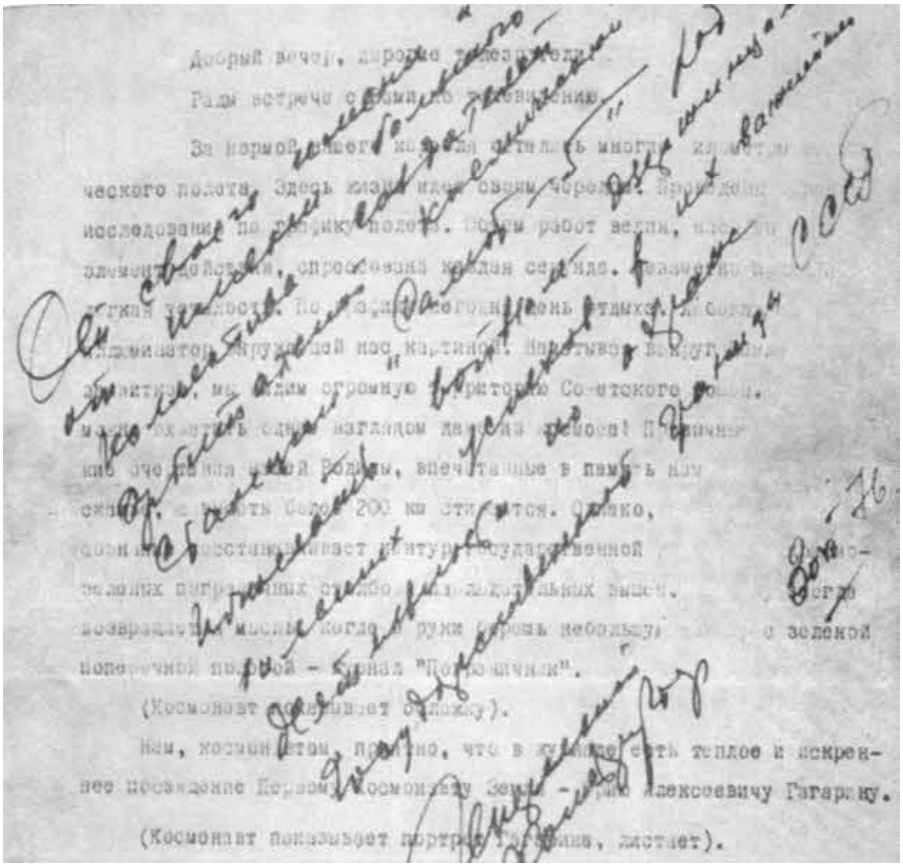
майор Гагарин

С. П. Королев и Ю. А. Гагарин. 1961 год.

Летчик-космонавт СССР Г. С. Титов в Московском высшем пограничном командном Краснознаменном училище.

Перед дальней дорогой. Первооткрывателя космоса Ю. А. Гагарина всегда тепло провожали и встречали пограничники ОКПП «Москва» и сотрудники аэропорта Шереметьево.

Юрий Гагарин выступает на заставе имени А. Терлецкого. Слева жена героя-пограничника Екатерина Павловна Терлецкая



Добрый вечер, дорогие телезрители!

Рады встрече с вами по телевидению.

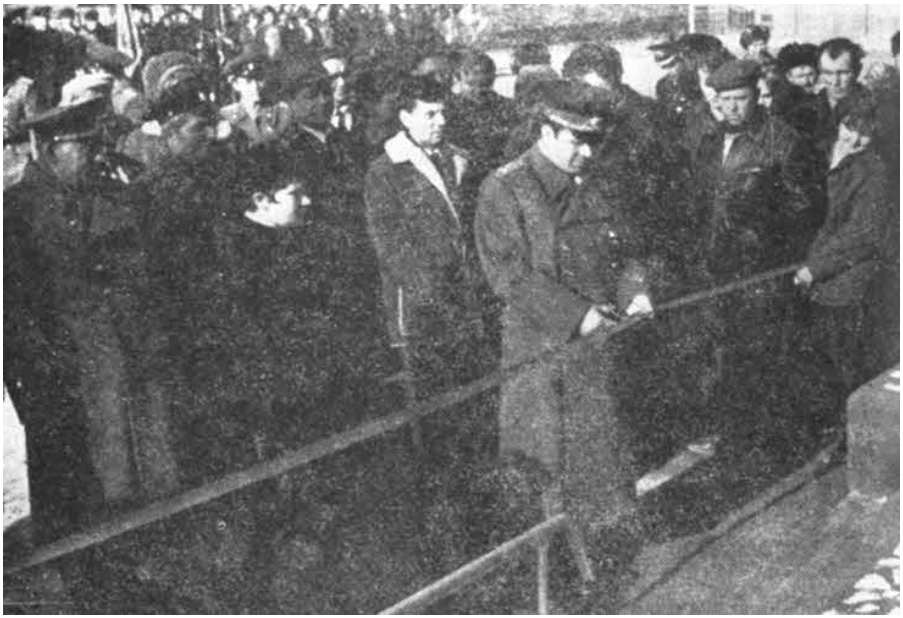
За кормой нашего корабля осталась многодневная часть космического полета. Здесь жизнь идет своим чередом. Проведены исследования по физике полета. Основным работ ведется, после элементы действия, спрессованная каждая секунда. Несмотря на легкая занятость. По-прежнему день отдыха. Космонавт-испытатель, нарушивший нас картиной. Напоминает экватор, мы видим огромную территорию Советского Союза. Можно охватить самым взглядом десятки городов! Привычные очертания родной Родины, впечатанные в память на всю жизнь. Скорость более 200 км отличается. Однако, космонавт восстанавливает контуры государственной границы. Зеленой пограничной полосой - Камня "Полюшечки".

(Космонавт показывает книжку).

Нам, космонавтам, приятно, что в нашей стране есть теплое и искреннее посвящение Первому космонавту Земли - Юрию Алексеевичу Гагарину.

(Космонавт показывает портрет Гагарина, листает).

Автограф на память.



Летчик-космонавт СССР Е. В. Хрунов на открытии нового здания заставы имени Героя Советского Союза И. И. Стрельникова, построенной комсомольцами г. Дивногорска. 1970 г.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельников, Б. Волынов и В. Попенченко у мемориала героев-пограничников в г. Имане. 1969 г.

До встречи на земле. Мягкой посадки Вам, «Байкалы», — напутствуют экипаж «Союза-21» дважды герои Советского Союза летчики-космонавты СССР генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов и генерал-майор авиации Г. Т. Береговой.

— Пусть наш космический автограф будет маленьким сувениром советским пограничникам, — говорит Борис Волынов. — Здесь написано; «Экипаж орбитальной станции «Салют-5» желает воинам-дзержинцам счастливых дозорных троп».

— Вам видно?

Участники слета отличников службы и боевой учебы границы у памятника Ю. А. Гагарину в Звездном городке. 1976 г.

INFO

ЗВЕЗДЫ ВЫСОКОГО НЕБА

Составители:
В. КОММУНАРОВ,
А. БАЙКАЛОВ

Главный редактор А. МАРЧЕНКО.
Редактор В. ГОЛАНД.
Художественный редактор В. ДАВЫДОВ.
Художник В. ФЕКЛЯЕВ.
Обложка художника А. СОКОЛОВА.
Технический редактор Т. БУРАКОВА.
Корректор А. КОМАРОВА.

Фото В. ГРЕЧУХИНА, Б. КОСАРЕВА, А. ПЕРОВА, В СМИРНОВА, фотохроники ТАСС и музея пограничных войск КГБ при СМ СССР.

Г-93302 Сдано в набор 22/XI-1976 г.
Подписано к печати 14/1-1977 г. Формат 70x108 1/32
Объем 3,5 п. л. Усл. п. л. 4,9 Уч. — изд. л. 6,32
2 вкладки. Цена 20 коп. Зак. 453.
Цена 20 коп.

Типография журнала «Пограничник»

.....

FB2 — mefysto, 2023

notes

Примечания

1

ГИРД — Группа научения реактивного движения.

2

МИК — монтажно-испытательный корпус.

3

«Родоны» — позывные экипажа «Союз-23».